

А. М. Хирьяковъ.

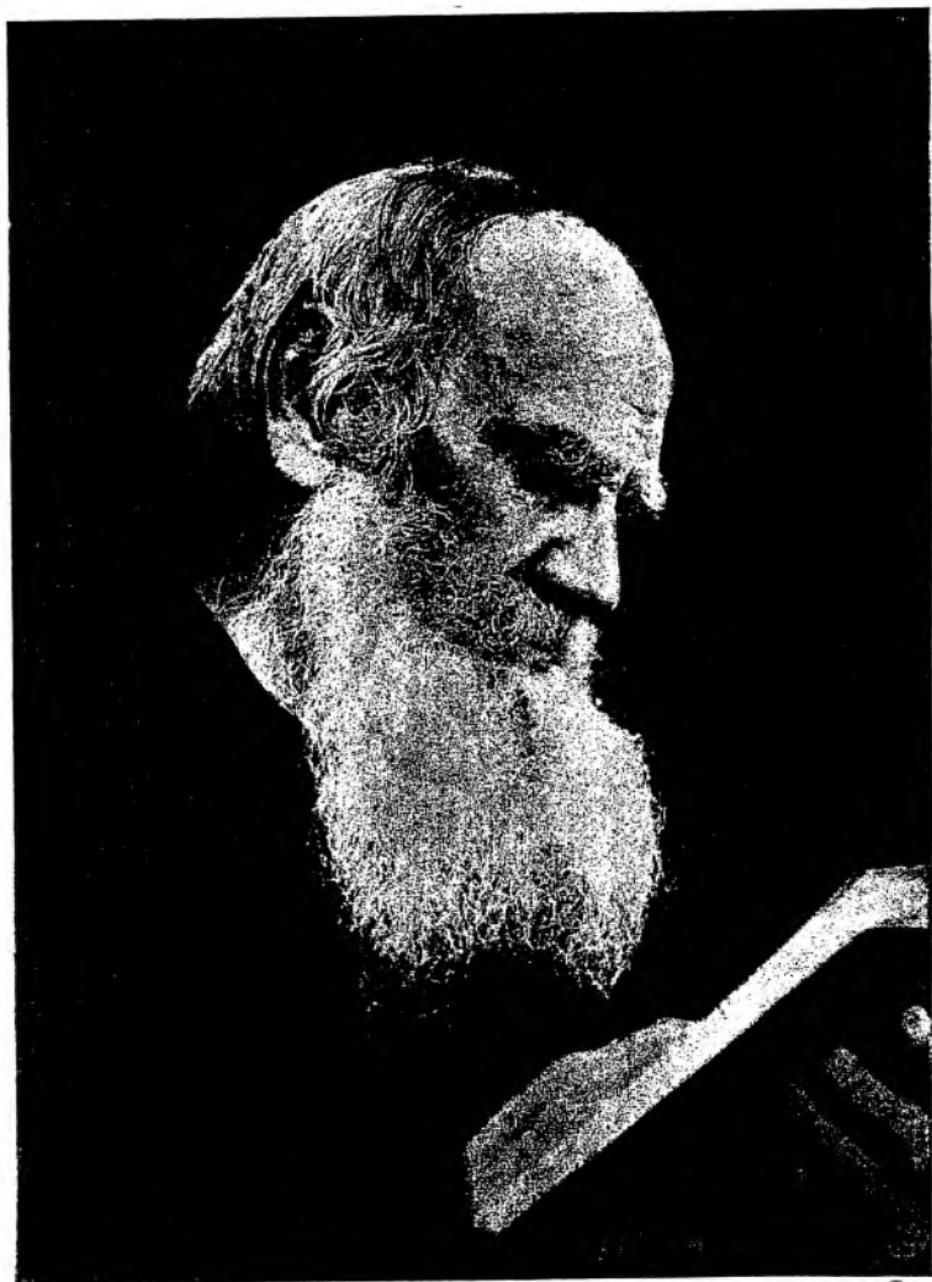
Жизнь
Льва Николаевича
Толстого.

ИЗДАНИЕ
Книжнаго Склада
„РОДНОЙ МІРЪ“.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1911.

Жизнь Льва Николаевича Толстого.

7-го ноября 1910 года въ нашей жизни и, можно сказать, въ жизни всего міра свершилось событіе огромной важности—изъ этого міра ушелъ Л. Н. Толстой. Современникамъ великаго писателя сейчасъ трудно вполнѣ безпристрастно оцѣнить всю значительность этого событія. Если мы подойдемъ вплотную къ огромному, роскошному дворцу, мы не будемъ въ состояніи оцѣнить ни его величины, ни его красоты; мы увидимъ передъ собой небольшую часть стѣны и можемъ сказать только изъ чего она состоитъ и больше ничего. Чтобы оцѣнить красоту зданія необходимо отойти отъ него на извѣстное разстояніе. Точно также намъ не можетъ быть вполнѣ понятно все величіе только что ушедшаго отъ насъ писателя. Онъ еще слишкомъ къ намъ близокъ. Но на насъ, современникахъ Толстого, лежитъ обязанность приложить все свое стараніе къ тому, чтобы собрать и оставить слѣдующимъ поколѣніямъ какъ можно больше матеріала, который могъ бы освѣтить имъ личность этого огромнаго

человѣка. Несмотря на сознание слабости своихъ силъ, несмотря на чувство неумѣнія, которое охватываетъ на каждомъ шагу, когда хочешь говорить о немъ, все таки живо сознаешь свою обязанность говорить, и потому говоришь, какъ можешь и какъ умѣешь.

Л. Н. Толстой родился въ Ясной Полянѣ Тульской губ. 28 августа 1828 года. Его воспоминанія дѣтства относятся къ самому раннему періоду, о которомъ большинство людей ничего не помнитъ. Онъ помнитъ, какъ его пеленали. какъ его, маленькаго, мыли въ корытѣ. „Вотъ мои первыя воспоминанія“ — пишетъ онъ: — Я связанъ, мнѣ хочется выпростать руки, и я не могу этого сдѣлать, и я кричу и плачу, и мнѣ самому непріятенъ мой крикъ: но я не могу остановиться. Надо мной стоитъ нагнувшись кто то, я не помню кто. И все это въ полутьмѣ. Но я помню, что двое. Крикъ мой дѣйствуетъ на нихъ, они тревожатся отъ моего крика, но не развязываютъ меня, чего я хочу и я кричу еще громче. Имъ кажется, что это нужно (т. е., чтобы я былъ связанъ), тогда какъ я знаю, что это не нужно, и хочу доказать имъ это, и я заливаюсь крикомъ, противнымъ для самого себя, но неудержимымъ. Я чувствую несправедливость и жестокость не людей, потому что они жалѣютъ меня, но судьбы, и жалость надъ самимъ собой. Я не знаю и никогда не узнаю, что это такое было: пеленали ли меня, когда я былъ грудной, и я выдиралъ руку, или это пеленали меня уже, когда мнѣ было больше года, чтобы я не расчесывалъ лишаи. Собралъ ли я въ одно это воспоминаніе, какъ это бываетъ во снѣ, много впечатлѣній, но вѣрно то, что это

было первое и самое сильное мое впечатлѣніе жизни. И памятенъ мнѣ не крикъ мой, не страданія, но сложность, противорѣчивость впечатлѣнія. Мнѣ хочется свободы, она никому не мѣшаетъ, и я, кому сила нужна, я слабъ, а они сильны.

„Другое впечатлѣніе — радостное. Я сижу въ корытѣ, и меня окружаетъ новый, не непріятный запахъ какого то вещества, которымъ трутъ мое маленькое тѣльце. Вѣроятно, это были отруби, и вѣроятно, въ водѣ и корытѣ, но новизна впечатлѣній, отрубей разбудила меня, и я первый разъ замѣтилъ и полюбилъ свое тѣльце, съ видными мнѣ ребрами на груди, и гладкое темное корыто, засученныя руки няни, и теплую, парную скрашенную воду, и звукъ ея, и въ особенности ощущение гладкости мокрыхъ краевъ корыта, когда я водилъ по нимъ рученками.

„Странно и страшно подумать, что отъ рожденія моего и до трехъ лѣтъ, въ то время, когда я кормился грудью, когда меня отняли отъ груди, когда я сталъ ползать, ходить, говорить, сколько бы я ни искалъ въ своей памяти, я не могу найти ни одного впечатлѣнія, кромѣ этихъ двухъ. Когда же я начался? Когда началъ жить? И почему мнѣ радостно представлять себя тогда, а бывало страшно, какъ и теперь страшно многимъ, представлять себя тогда, когда я опять вступлю въ то состояніе смерти, отъ котораго не будетъ воспоминаній, выразимыхъ словами? Развѣ я не жилъ тогда, когда учился смотрѣть, слушать, понимать, говорить, когда спалъ, сосалъ грудь и смѣялся и радовалъ мою мать? Я жилъ и блаженно жилъ. Развѣ не тогда я пріобрѣталъ все то, чѣмъ я теперь живу, и пріобрѣталъ такъ

много, такъ быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрѣлъ и одной сотой того? Отъ пятилѣтняго ребенка до меня — только шагъ. Отъ новорожденнаго до пятилѣтняго — страшное разстояніе. Отъ зародыша до новорожденнаго — пучина. А отъ несуществованія до зародыша отдѣляетъ уже не пучина, а непостижимость“.

Обстановка, въ которой росъ Левъ Николаевичъ, была обыкновенной обстановкой зажиточныхъ помѣщиковъ того времени. Въ его воспоминаніяхъ о бабушкѣ особенно ярко рисуются картины той жизни, въ которой проходило его дѣтство. „Самыя раннія воспоминанія мои о бабушкѣ, до нашей поѣздки въ Москву и жизни тамъ, сводятся къ тремъ сильнымъ, связаннымъ съ нею, впечатлѣніямъ. Первое — это то, какъ бабушка умывалась какимъ то особеннымъ мыломъ и пускала на рукахъ удивительные пузыри, которые, мнѣ казалось, только она одна могла дѣлать. Насъ нарочно приводили къ ней, — вѣроятно, наше восхищеніе и удивленіе передъ ея мыльными пузырями забавляло ее, — чтобы видѣть, какъ она умывалась. Помню, бѣлая кофточка, юбка, бѣлыя старческія руки и огромные поднимающееся на нихъ пузыри, и ея довольное, улыбающееся бѣлое лицо.

„Второе воспоминаніе — это было то, какъ ее безъ лошади на рукахъ вывезли камердинеры отца въ желтомъ кабріолетѣ съ рессорами, въ которомъ мы ѣздили кататься съ гувернеромъ Федоромъ Ивановичемъ — въ мелкій Закавъ для сбора орѣховъ, которыхъ въ этомъ году было особенно много. Помню чашу частаго и густого орѣшника, въ глубь котораго, раздвигая и ломая вѣтки, Петруша и Матюша (дворовые камерди-

неры) ввозили желтый кабриолетъ съ бабушкой, и какъ нагибали ей вѣтки съ гроздьями спѣлыхъ, иногда высыпавшихся орѣховъ, и какъ бабушка сама рвала ихъ и клала въ мѣшокъ, и какъ мы гдѣ сами гнули вѣтки, гдѣ Федоръ Ивановичъ, и удивлялъ насъ своей силой, нагибая намъ толстые орѣшники, а мы обирали со всѣхъ сторонъ и все таки видѣли, что еще оставались незамѣченные нами орѣхи, когда Федоръ Ивановичъ пускалъ ихъ, и кусты медленно цѣпляясь, расправлялись. Помню, какъ жарко было на полянахъ, какъ пріятно прохладно въ тѣни, какъ дышалось терпкимъ запахомъ орѣховой листвы, какъ щелкали со всѣхъ сторонъ, разгрызаемые дѣвушками, которыя были съ нами, орѣхи, и какъ мы, не переставая, жевали свѣжія, полныя бѣлыя ядра.

„Мы собирали въ карманы, подолаы и нашъ кабриолетъ, и бабушка принимала и хвалила насъ. Какъ мы пришли домой, что было послѣ, я ничего не помню, помню только, что бабушка, орѣшникъ, терпкій запахъ орѣховой листвы, камердинеры, желтый кабриолетъ, солнце—соединились въ въ одно радостное впечатлѣніе. Мнѣ казалось, что какъ мыльные пузыри могли быть только у бабушки, такъ и лѣсъ, и орѣхи и солнце, — могли быть только при бабушкѣ въ желтомъ кабриолетѣ, который везуть Петруша и Матюша.

„Самое же сильное, связанное съ бабушкой, воспоминаніе — это ночь, проведенная въ спальнѣ бабушки, и Левъ Степанычъ. Левъ Степанычъ былъ слѣпой сказочникъ (онъ былъ уже старикомъ, когда я узналъ его). — остатокъ стариннаго барства, барства дѣда. Онъ былъ куп-

лень только для того, что бы рассказывать сказки, которая онъ, вслѣдствіе свойственной слѣпымъ необыкновенной памяти, могъ слово въ слово рассказывать послѣ того, какъ ихъ раза два прочитывали ему.

„Онъ жилъ гдѣ то въ домѣ, и цѣлый день его было невидно. Но по вечерамъ онъ приходилъ наверхъ, въ спальню бабушки (спальня эта была въ низенькой комнаткѣ, въ которую входитъ надо было по двумъ ступенямъ), и садился на низенькій подоконникъ, куда ему приносили ужинъ съ господскаго стола. Тутъ онъ дожидался бабушку, которая безъ стыда могла дѣлать свой ночной туалетъ при слѣпомъ человѣкѣ. Въ тотъ день, когда былъ мой чередъ ночевать у бабушки, Левъ Степанычъ со своими бѣлыми глазами, въ синемъ длинномъ сюртукѣ съ буфами на плечахъ, сидѣлъ уже на подоконникѣ и ужиналъ. Не помню, какъ раздѣвалась бабушка, въ этой ли комнатѣ или въ другой, и какъ меня уложили въ постель, помню только ту минуту, когда свѣчу потушили, осталась одна лампадка передъ золочеными иконами, бабушка, та самая удивительная бабушка, которая пускала эти необычайные мыльные пузыри, вся бѣлая, въ бѣломъ, на бѣломъ и покрытая бѣлымъ въ своемъ бѣломъ чепцѣ, высоко лежала на подушкахъ, и съ подоконника слышался ровный, спокойный голосъ Льва Степаныча: „Продолжать прикажете“? — Да, продолжайте. — „Любимая сестрица, сказала она, — заговорилъ Левъ Степанычъ тихимъ, ровнымъ старческимъ голосомъ:— расскажите намъ одну изъ тѣхъ прелюбопытнѣйшихъ сказокъ, которая вы такъ хорошо умѣете рассказывать“, — Охотно, отвѣ-

чала Шахерезада, рассказала бы я замѣчательную исторію принца Камаральзамана, если повелитель нашъ выразить на то свое согласіе. Получивъ согласіе султана, Шахерезада начала такъ: „У одного владѣтельнаго царя былъ единственный сынъ“ и, очевидно, слово въ слово по книгѣ началъ Левъ Степанычъ исторію Камаральзамана. Я не слушалъ, не понималъ того, что онъ говорилъ, настолько былъ поглощенъ таинственнымъ видомъ бѣлой бабушки, ея колеблющейся тѣнью на стѣнѣ и видомъ старика съ бѣлыми глазами, котораго я не видалъ теперь, но котораго помнилъ, неподвижно сидѣвшаго на подоконникѣ и медленнымъ голосомъ говорившаго какія то странныя, мнѣ казавшіяся торжественными, слова, одиноко звучавшія среди темноты комнатки, освѣщенной дрожащимъ свѣтомъ лампадки. Должно быть, я сейчасъ заснулъ, потому что дальше ничего не помню и только утромъ опять удивлялся и восхищался мыльными пузырями, которые, умываясь, дѣлала на своихъ рукахъ бабушка“.

И отецъ и мать Льва Николаевича были, какъ можно думать, добрыми, сердечными людьми, и ужасное явленіе крѣпостного права не оставило на дѣтяхъ сколько-нибудь сильнаго впечатлѣнія. Левъ Николаевичъ писалъ впоследствии, что въ то время, когда живъ былъ его отецъ, ему не приходилось даже слышать о томъ, чтобы въ ихъ имѣніи производились тѣлесныя наказанія, хотя въ то время трудно было себѣ представить помѣщичье хозяйство безъ употребленія этихъ наказаній. Только послѣ смерти отца Льву Николаевичу пришлось столкнуться съ этимъ ужаснымъ дѣломъ.

„Мы, дѣти“,—разсказываетъ онъ—съ учителемъ возвращались съ прогулки и подлѣ гумна встрѣтили толстаго управляющаго, Андрея Ильича, и шедшаго за нимъ, съ поразившимъ насъ печальнымъ видомъ, помощника кучера, кривого Кузьму, человѣка женатаго и уже немолодого. Кто то изъ насъ спросилъ Андрея Ильича, куда онъ идетъ, а онъ спокойно отвѣтилъ, что идетъ на гумно, гдѣ надо Кузьму наказать. Не могу описать ужаснаго чувства, которое произвели на меня эти слова и видъ добраго и унылаго Кузьмы. Вечеромъ я разсказалъ это тетушкѣ, Татьянѣ Александровнѣ, воспитавшей насъ и ненавидѣвшей тѣлесныя наказанія, никогда недопускавшей ихъ для насъ, а также для крѣпостныхъ, тамъ, гдѣ она могла имѣть вліяніе. Она очень возмутилась тѣмъ, что я разсказалъ ей и съ упрекомъ сказала: „какъ же вы не остановили его?“ Ея слова еще больше огорчили меня. Я никакъ не думалъ, чтобы мы могли вмѣшиваться въ такое дѣло, а между тѣмъ оказывалось что мы могли. Но уже было поздно. И ужасное дѣло было совершено“.

Первыя дѣтскія впечатлѣнія оставляютъ самый глубокой слѣдъ въ душѣ человѣка, и поэтому особенно бываетъ важна личность тѣхъ людей, съ которыми соприкасается ребенокъ и которые оказываютъ свое вліяніе на его жизнь. Относительно отца Льва Николаевича мы только знаемъ, что это былъ добрый, живой, сердечный человѣкъ. Мать—была натурой въ духовномъ отношеніи значительно выше отца. Она была натурой одаренной и была хорошо образована и, что самое главное, была замѣчательной по своимъ нравственнымъ качествамъ женщиной. Кромѣ рус-

скаго, она знала 4 языка: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій, имѣла художественный талантъ, играла на фортепьяно и была большой мастерицей рассказывать самыя затѣйливыя, увлекательныя сказки, выдумывая ихъ по мѣрѣ разсказа. Она была вспыльчива, но въ то же время сдержанна. „Вся покраснѣетъ, даже заплачетъ— рассказывала о ней ея горничная—но никогда не скажетъ грубаго слова“.

Матери своей Левъ Николаевичъ не помнилъ: ему было полтора года, когда она скончалась; но помимо наслѣдственныхъ качествъ, переданныхъ ею ея сыну, можно думать, что она повлияла на него при посредствѣ своего старшаго сына, которому было 6 лѣтъ, когда она умерла. Этотъ старшій сынъ, Николинъ, оказалъ на развитіе Льва Николаевича весьма серьезное вліяніе. Слѣдуетъ отмѣтить еще одну чрезвычайно важную черту въ характерѣ матери Льва Николаевича, которая потомъ сказалась въ ея великомъ сынѣ. Эта черта заключается въ правдивости и простотѣ, которыми дышали ея письма. Въ то время особенно были распространены выраженія преувеличенныхъ чувствъ: несравненная, обожаемая, радость моей жизни, неоцѣненная и т. п.—были самыми распространенными эпитетами между близкими, и чѣмъ напыщеннѣе были эти выраженія, тѣмъ онѣ были неискреннѣе. И вотъ такихъ то напыщенныхъ и фальшиво чувствительныхъ выраженій совсѣмъ не было въ письмахъ матери Льва Николаевича. И вотъ такой же удивительной простотой и правдивостью отличаются произведенія и самого Толстого.

Очень большое вліяніе въ дѣтствѣ Льва Николаевича оказывала на него его тетка, воспи-

тавшая его, Татьяна Александровна Ергольская. Въ ней соединялись двѣ противоположныя черты: рѣдкая доброта и чрезвычайно энергичный, мужской характеръ, „Рисуетъ очень ея характеръ событіе съ линейкой, о которомъ она рассказывала намъ—пишетъ Левъ Николаевичъ — показывая большой, чуть не въ ладонь, слѣдъ обжога на рукѣ между локтемъ и кистью. Они дѣтьми читали исторію Муція Сцеволы и заспорили о томъ, что никто изъ нихъ не рѣшился бы сдѣлать то же. „Я сдѣлаю“, сказала она, „Не сдѣлаешь“, сказалъ Языковъ, мой крестный отецъ и, тоже характерно для него, разжегъ на свѣчкѣ линейку такъ, что она обуглилась и вся дымилась. „Вотъ, приложи это къ рукѣ“, сказалъ онъ. Она вытянула голую руку (тогда дѣвочки ходили всегда декольте) и Языковъ приложилъ обугленную линейку. Она нахмурилась, но не отдернула руки, застонала только тогда, когда линейка съ кожей отодралась отъ руки. Когда же большіе увидѣли ея рану и стали спрашивать, какъ это сдѣлалось, она сказала, что сама сдѣлала это, хотѣла испытать то, что испыталъ Муцій Сцевола. Такая она была во всемъ, рѣшительная и самоотверженная“.

Кажется, она была влюблена въ отца Льва Николаевича, но въ молодости она не пошла за него для того, чтобы онъ могъ жениться на будущей матери Льва Николаевича, женщинѣ очень богатой, и тѣмъ поправить свои запутанныя дѣла. А потомъ, послѣ смерти матери Льва Николаевича, она не захотѣла выйти за его отца, чтобы не порвать той поэтической дружбы, которая завязалась между ними. Послѣ ея смерти Левъ Николаевичъ нашелъ въ ея бумагахъ записку,

помѣченную 16 авг. 1836 г. Въ этой запискѣ говорится слѣдующее: „Николай, (отецъ Льва Николаевича), сдѣлалъ мнѣ сегодня странное предложеніе, выйти за него замужъ, замѣнить мать его дѣтямъ и никогда больше ихъ не оставлять. Я отказала въ первомъ предложеніи и обѣщала исполнить второе, пока я буду жива“. Она записала это и никому никогда не сказала объ этомъ ни полъ-слова, но была самой заботливой, самой преданной воспитательницей. „Дѣти называли ее тетушкой по привычкѣ, т. к. родство было очень дальнее, но она — говоритъ Левъ Николаевичъ — по праву любви къ намъ, заняла въ нашемъ воспитаніи первое мѣсто, и мы чувствовали это“.

Незадолго до своей смерти, когда Левъ Николаевичъ былъ уже женатъ, она разъ, выждавъ то время, когда онъ былъ въ ея комнатѣ, отвернувшись, чтобы скрыть свое волненіе, сказала ему: „вотъ что, комната моя очень хорошая и вамъ понадобится, и если я умру въ ней — сказала она дрожащимъ голосомъ — вамъ будетъ неприятно воспоминаніе. Такъ вы меня переведите, чтобы я умерла не здѣсь“. „Такой она была вся съ первыхъ временъ моего дѣтства — пишетъ Левъ Николаевичъ — когда я еще не могъ понимать“. Когда она скончалась и ее несли по деревнѣ, изъ всѣхъ домовъ выходили крестьяне и заказывали панихиды. Вліяніе Т. А. Ергольской, по личному признанію Льва Николаевича, сказалось во-первыхъ въ томъ, что еще въ дѣтствѣ она научила его духовному наслажденію любви. Она не словами учила его этому, а всѣмъ своимъ существомъ заражала его любовью. „Я видѣлъ и чувствовалъ, какъ хорошо

ей было любить — пишетъ Левъ Николаевичъ — и понялъ счастье любви Это первое, второе то, что она научила меня прелести неторопливой, одинокой жизни“.

Значительное вліяніе на развитіе религіознаго чувства въ Левѣ Николаевичѣ оказали окружающіе его набожные люди, набожность которыхъ выражалась не въ аккуратномъ посѣщеніи церкви и исполненіи обрядовъ, а въ постоянномъ стремленіи къ общенію съ тѣмъ Божествомъ, въ которое они вѣрили и котораго считали руководителемъ своихъ поступковъ. Къ числу такихъ людей принадлежали, между прочимъ, и юродивые, часто посѣщавшіе домъ Толстыхъ и придурковатый помощникъ садовника Акимъ, читавшій своеобразныя, самимъ имъ придуманныя, молитвы, въ которыхъ онъ говорилъ съ Богомъ, какъ съ живымъ лицомъ, повторяя: „Ты мой лѣкарь, Ты мой аптекарь“ и читалъ стихъ о Страшномъ судѣ.

Послѣ Т. А. Ергольской, быть можетъ, наибольшее вліяніе на умственное развитіе Льва Николаевича въ раннемъ дѣтствѣ оказалъ его старшій братъ, Николай. Онъ заронилъ въ его душу тѣ сѣмена добра, которыя потомъ, черезъ много лѣтъ, дали такіе могучіе побѣги. „Этотъ старшій братъ былъ удивительный мальчикъ и потомъ удивительный человѣкъ — говоритъ Левъ Николаевичъ; — Тургеневъ говорилъ про него очень вѣрно, что онъ не имѣлъ только тѣхъ недостатковъ, которые нужны для того, чтобы быть писателемъ“. Онъ не имѣлъ главнаго, нужнаго для этого недостатка, у него не было тщеславія; ему совершенно неинтересно было, что о немъ думаютъ люди. Качествами же писа-

теля, которыми онъ обладалъ, были прежде всего художественное чутье, крайнее чувство мѣры, добродушный, веселый юморъ, необыкновенное, неистощимое воображеніе. И все это безъ малѣйшаго самодовольства. Воображеніе его было такое, что онъ могъ рассказывать сказки или исторіи безъ остановки цѣлыми часами и съ такой увѣренностью въ дѣйствительность рассказываемаго, что забывалось, что это выдумка. „Такъ вотъ онъ то — пишетъ Левъ Николаевичъ — когда намъ съ братьями было мнѣ 5, Митенькѣ 6, Сережѣ 7 лѣтъ, объявилъ намъ, что у него есть тайна, посредствомъ которой, когда она откроется, всѣ люди сдѣлаются счастливыми, не будетъ ни болѣзни, никакихъ непріятностей, никто ни на кого не будетъ сердиться, и всѣ будутъ любить другъ друга, всѣ сдѣлаются муравейными братьями (вѣроятно, это были моравскіе братья, о которыхъ онъ слыпалъ или читалъ, но на нашемъ языкѣ это были муравейные братья). И я помню, что слово „муравейные“ особенно нравилось, напоминая муравьевъ въ кочкѣ. Мы даже устроили игру въ муравейные братья, которая состояла въ томъ, что садились подъ стулья, загораживая ихъ ящиками, завѣшивали платками и сидѣли тамъ въ темнотѣ, прижимаясь другъ къ другу. Я, помню, испытывалъ особенное чувство любви и умиленія и очень любилъ эту игру.

„Муравейные братья“ были открыты намъ, но главная тайна о томъ, какъ сдѣлать, чтобы всѣ люди не знали никакихъ несчастій, никогда не ссорились и не сердились, а были бы постоянно счастливы, эта тайна была, какъ онъ намъ говорилъ, написана имъ на зеленой палочкѣ, и па-

лочка эта зарыта у дороги, на краю оврага стараго Заказа, въ томъ мѣстѣ, въ которомъ я, такъ какъ надо же гдѣ нибудь зарыть мой трупъ, просилъ въ память Николеньки закопать меня.

„Кромѣ этой палочки, была еще какая то Фанфаронова гора, на которую, онъ говорилъ, можетъ ввести насъ, если только мы исполнимъ всѣ положенныя для того условія. Условія были, во-первыхъ: стать въ уголь и не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Помню, какъ я становился въ уголь и старался, но никакъ не могъ не думать о бѣломъ медвѣдѣ. Второе условіе: пройти, не оступившись, по щелкѣ между половицами, и третье, легкое: въ продолженіе года не видать зайца, все равно живого или мертваго или жареннаго. Потомъ надо поклясться никому не открывать этихъ тайнъ.

„Тотъ кто исполнить эти условія и еще другія, болѣе трудныя, которыя онъ откроетъ послѣ, того одно желаніе, какое бы то ни было, будетъ исполнено. Мы должны были сказать наши желанія. Сережа пожелалъ умѣть лѣпить лошадей и куръ изъ воска, Митенька пожелалъ умѣть рисовать разныя вещи, какъ живописецъ, въ большемъ видѣ. Я же ничего не могъ придумать кромѣ того, чтобы умѣть рисовать въ маломъ видѣ. Все это, какъ это бываетъ у дѣтей, очень скоро забылось, и никто не пошелъ на Фанфаронову гору, но помню ту таинственную важность, съ которой Николенька посвящалъ насъ въ эти тайны, и наше уваженіе и трепетъ передъ тѣми удивительными вещами, которыя намъ открывались.

„Въ особенности же оставило во мнѣ сильное впечатлѣніе муравейное братство и таинственная

зеленая палочка, связывавшаяся съ нимъ и долженствующая осчастливить всѣхъ людей.

„Какъ теперь ядумаю, Николенька, вѣроятно, прочелъ или наслушался о массонахъ, объ ихъ стремленіи къ осчастливливанію человѣчества, о таинственныхъ обрядахъ приѣма въ ихъ орденъ, вѣрно слышалъ о моравскихъ братьяхъ и соединилъ все это въ одно въ своемъ живомъ воображеніи и любви къ людямъ, къ добротѣ, придумалъ всѣ эти исторіи и самъ радовался имъ и морочилъ ими насъ.

„Идеаль муравейныхъ братьевъ, льнущихъ любовно другъ къ другу, только не подъ двумя креслами, завѣщенными платками, а подъ всѣмъ небеснымъ сводомъ всѣхъ людей міра, остался для меня тотъ же. И какъ я тогда вѣрилъ, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло въ людяхъ и дать имъ великое благо, такъ я вѣрю теперь, что есть эта истина и что будетъ она открыта людямъ и дастъ имъ то, что она обѣщаетъ“.

Первымъ учителемъ и воспитателемъ Льва Николаевича былъ нѣмецъ Ф. И. Рессель, изображенный имъ въ „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“ подъ именемъ Карла Ивановича Мауера. Это былъ очень честный, прямой, добродушный и любящій человѣкъ. Ф. И. и умеръ въ Ясной Полянѣ и похороненъ на кладбищѣ ближайшей церкви.

Осенью 1836 года семья Толстыхъ переѣхала въ Москву для болѣе серьезнаго ученія старшихъ братьевъ Льва Николаевича. На другой годъ умеръ отецъ Льва Николаевича. Смерть его произвела въ Левѣ Николаевичѣ первый разъ чувство религіознаго ужаса передъ вопросами жизни и смерти. Смерть отца Льва Николаевича осо-

бенно сильно подѣйствовала на бабушку его, Пелагею Николаевну, которая черезъ 9 мѣсяцевъ умерла и сама. Смерть ея была для Льва Николаевича новымъ напоминаніемъ о религіозномъ значеніи жизни и смерти. Левъ Николаевичъ помнилъ всегда тотъ ужасъ, который онъ испытывалъ, когда его вели къ ней, чтобы попрощаться, но вполнѣ понятно, что эти сильныя впечатлѣнія очень скоро сглаживались тѣми мимолетными впечатлѣніями, которыми богато всякое дѣтство.

Когда Льву Николаевичу было 11 лѣтъ, одинъ изъ мальчиковъ, посѣщавшихъ его, придя какъ то въ воскресенье, объявилъ ему и его братьямъ открытіе, которое ему сообщили въ гимназій. Это открытіе состояло въ томъ, что Бога нѣтъ и что все, что учатъ о немъ, одни выдумки. Старшіе братья очень заинтересовались этою новостью, позвали на совѣтъ и Льва Николаевича, и всѣ они приняли это извѣстіе, какъ что то очень занимательное и весьма возможное.

Кромѣ лицъ, вліявшихъ на развитіе Льва Николаевича, чрезвычайно интересно отмѣтить и тѣ книги, которыя произвели на него наиболѣе сильное впечатлѣніе. Онъ самъ составилъ списокъ произведеній, оказавшихъ на него наибольшее вліяніе въ періодъ приблизительно до 14 лѣтъ. Вотъ этотъ списокъ: „Исторія Іосифа“ изъ Библии — огромное вліяніе, „Сказки 1001 ночь“ — большое, „Черная курица“ Погорѣльскаго — очень большое вліяніе, Русскія былины — огромное вліяніе. Народныя сказки — огромное. Стихи Пушкина „Наполеонъ“ — большое вліяніе.

Въ началѣ 40-хъ годовъ Толстые переѣхали въ Казань, гдѣ старшій братъ Льва Николаевича

слушалъ курсъ въ университетѣ. Два слѣдующихъ брата, Сергѣй и Дмитрій, тоже поступили въ этотъ университетъ въ 1843 году, а въ 1844 г. поступилъ въ этотъ университетъ и Левъ Николаевичъ, почему то избравшій для изученія рядъ арабско-турецкой словесности. Черезъ годъ онъ перешелъ на юридическій факультетъ. Занятія въ университетѣ шли у Льва Николаевича довольно плохо, съ одной стороны—потому, что онъ былъ увлеченъ удовольствіями свѣтской жизни, а съ другой — потому, что сухость и оторванность отъ жизни тѣхъ предметовъ, которые читались въ университетѣ, не располагали Льва Николаевича къ серьезнымъ занятіямъ. Но когда профес. Фогель предложилъ ему работу, невходившую въ университетскую программу, а именно сравнить „Духъ Законовъ“ французскаго писателя Монтескье съ „Наказомъ“ Императрицы Екатерины, то эта работа всецѣло захватила Льва Николаевича, и онъ впервые понялъ удовольствіе самостоятельнаго, умственнаго труда. „Меня мало интересовало, что читали наши учителя въ Казани—говорилъ Левъ Николаевичъ — я горячо отдался весь, читалъ безконечное количество книгъ, но все въ одномъ и томъ же направленіи. Когда меня заинтересовывалъ какойнибудь вопросъ, то я не уклонялся отъ него ни вправо, ни влево, я старался познакомиться со всѣмъ, что могло бросить свѣтъ именно на этотъ вопросъ“. Причинъ же выхода Льва Николаевича изъ университета было, какъ онъ замѣчаетъ двѣ: „первая, что братъ окончилъ курсъ и уѣзжалъ, а вторая, что эта работа по сравненію „Духа Законовъ“ съ „Наказомъ“ открыла новую область умственнаго самостоятельнаго труда, а университетъ

своими требованіями не только не содѣйствовали такой работѣ, но мѣшали ей“.

Интересенъ списокъ произведеній, которыя были прочитаны Львомъ Николаевичемъ приблизительно отъ 14 до 21 года. Тутъ мы находимъ евангеліе Матѣя, оказавшее на него огромное вліяніе, главнымъ образомъ, нагорной проповѣдью, сочиненія Стерна, сочиненія Руссо, Пушкина, Шилера, Гоголя, Тургенева—„Записки охотника“, Дружинина, Григоровича, Лермонтова и Диккенса, сочиненіе котораго „Давидъ Коперфильдъ“ произвело огромное впечатлѣніе. Этотъ писатель до конца жизни Льва Николаевича оставался одинъ изъ любимѣйшихъ его авторовъ, чтеніе произведеній котораго онъ совѣтывалъ и взрослымъ и дѣтямъ.

Чѣмъ дальше мы слѣдимъ за жизнью Льва Николаевича, тѣмъ больше мы видимъ внутреннюю его борьбу и то душевное раздвоеніе, которое является причиной этой борьбы. Въ Левѣ Николаевичѣ какъ бы совмѣщалось два человѣка: одинъ человѣкъ — свѣтскій, заботящійся о своей внѣшности, чрезвычайно чутко прислушивающійся и присматривающійся къ тому, какъ къ нему относится окружающее его свѣтское общество, увлекающійся всевозможными забавами, праздный, безпутный; другой же человѣкъ—это серьезный, ищущій правды жизни, чрезвычайно тонко и мѣтко критикующій всѣ свои поступки, постоянно стремящійся къ совершенству и безпощадно казнящій себя за всѣ свои промахи и грѣхи. Иногда ему кажется, что серьезный человѣкъ побѣждаетъ въ немъ безпутнаго, и вотъ онъ записываетъ въ своемъ дневникѣ: Мартъ 1847 г. „Я много переѣмѣнился, но все еще

не достигъ той степени совершенства (въ занятіяхъ), котораго бы мнѣ хотѣлось достигнуть. Я не исполняю того, что себѣ предписываю, а что исполняю, то исполняю нехорошо, не изошряю памяти. Для этого пишу здѣсь нѣкоторыя правила, которыя, какъ мнѣ кажется, много мнѣ помогутъ, ежели я буду имъ слѣдовать:

1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что.

2) Что исполняешь, исполняй хорошо.

3) Никогда не справляйся въ книгѣ, что забылъ, а постарайся самъ припомнить.

4) Заставляй постоянно умъ твой дѣйствовать со всею ему возможною силою.

5) Читай и думай всегда громко.

6) Не стыдись говорить людямъ, которые тебѣ мѣшаютъ, что они мѣшаютъ: сначала дай почувствовать, а ежели они не понимаютъ, (что они мѣшаютъ), то извинись и скажи имъ это“.

Левъ Николаевичъ очень склоненъ былъ составлять различныя программы дальнѣйшей жизни, намѣчать планы, составлять списки тѣхъ работъ, которыя нужно сдѣлать, тѣхъ знаній, которыя нужно пріобрѣсть, но свѣтская жизнь увлекаетъ его и ему потомъ приходится казнитья, что почти ничего изъ намѣченнаго ему не удалось сдѣлать, какъ слѣдуетъ. Былъ и такой періодъ когда присущее ему всегда глубокое религіозное чувство какъ будто совершенно заглохло. Ему даже смѣшно видѣть, какъ его братъ Дмитрій, въ бытность свою въ университетѣ, сталъ часто посѣщать церковь, поститься и вести чистую, нравственную жизнь. Онъ читаетъ Вольтера и насмѣшки его надъ религіей его не только не возмущаютъ, но нравятся. Религіозное чувство точно

подземная рѣка ушла куда то въ глубь и только тамъ совершало свою незамѣтную работу.

Въ 1847 году Левъ Николаевичъ оставляетъ университетъ и рѣшаетъ поселиться въ деревнѣ. Ему кажется, что онъ прямо рожденъ для жизни въ деревнѣ. Онъ находитъ хозяйство запутаннымъ, въ крайнемъ безпорядкѣ и хочетъ все исправить, все привести въ должный видъ. Мысль о недопустимости крѣпостного права не приходитъ ему и въ голову, ему кажется, что онъ вполне естественно является руководителемъ, распорядителемъ и опекуномъ своихъ крестьянъ. „Не моя ли священная и прямая обязанность — писать онъ — заботиться о счастѣ этихъ 700 человекъ, за которыхъ я долженъ буду отвѣчать Богу? Не грѣхъ ли покинуть ихъ на произволь грубыхъ старостъ и управляющихъ изъ-за плановъ наслажденій или честолюбія? И зачѣмъ искать въ другой сферѣ случаевъ быть полезнымъ и дѣлать добро, когда мнѣ открывается такая благородная, блестящая и ближайшая обязанность? Я много, много передумалъ о своихъ будущихъ обязанностяхъ, написалъ себѣ правила дѣйствій и, если только Богъ дастъ мнѣ жизни и силъ, я успѣю въ своемъ предпріятіи“.

Это опять была одна изъ тѣхъ программъ, которую Левъ Николаевичъ страстно желалъ выполнить, но выполнить которую было, пожалуй, труднѣе, чѣмъ какую-нибудь изъ предыдущихъ программъ, такъ какъ сдѣлаться благотворителемъ людей помимо ихъ воли, и часто даже вопреки ихъ воли, представляетъ для человека совершенно непосильную задачу. Размышляя о своихъ неудачахъ, Левъ Николаевичъ упрекаетъ себя въ этомъ періодѣ въ нерѣшительности, въ

недостаткъ энергіи, въ обманываніи самого себя, въ ложномъ стыдѣ, въ непостоянствѣ, въ необдуманности и тому подобныхъ недостаткахъ. Левъ Николаевичъ чувствуетъ, что жизнь складывается какъ то совершенно нелѣпо. Хозяйство не удается, а потому не даетъ никакого удовлетворенія. Увлеченія молодости, кутежи, вызываютъ раскаяніе и самобичеваніе, душа жаждетъ переменъ, и въ то же время жизнь не представляетъ ничего такого, что могло бы привлечь къ себѣ, захватить. Въ это время, весной 1851 г., вернулся съ Кавказа старшій братъ Николай офицеромъ кавказской арміи. Онъ пріѣхалъ въ отпускъ и собирался вскорѣ возвратиться назадъ. Левъ Николаевичъ рѣшилъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ на Кавказъ, испытать новую жизнь. Старшій братъ предложилъ ему не совсѣмъ обыкновенное путешествіе на Кавказъ, а именно, доѣхать на лошадахъ до Саратова, а отъ Саратова по Волгѣ на лодкѣ до станціи. Это путешествіе было, по словамъ Льва Николаевича, полно очарованія, какъ по новизнѣ мѣстъ, такъ и по способу путешествія. Кавказъ произвелъ на Льва Николаевича огромное впечатлѣніе, которое отразилось на многихъ произведеніяхъ. Вотъ какъ передаетъ онъ эти свои кавказскія впечатлѣнія въ произведеніи „Казакѣ“, гдѣ онъ говоритъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. „Всѣ московскія воспоминанія стыдъ и раскаяніе, всѣ пошлыя мечты о Кавказѣ всѣ исчезли и не возвращались болѣе. „Теперь началось,—какъ будто сказалъ ему какой-то торжественный голосъ. И дорога, и вдали виднѣвшаяся черта Терека, и станицы и народъ,—все это ему теперь казалось уже не шуткой. Взглянетъ на небо и вспомнить горы. Взглянетъ на себя, на Ванюшу

и опять горы. Вотъ ѣдутъ два казака верхомъ, и ружья въ чехлѣ равномерно поматываются у нихъ за спинами, и лошади ихъ перемѣшиваются гнѣдыми и сѣрыми ногами; а горы... За Терекѣмъ виденъ дымъ въ аулѣ; а горы... Солнце всходитъ и блещетъ на виднѣющемся изъ-за камыша Терекѣ; а горы... Изъ станицы ѣдетъ арба, женщины ходятъ, красивыя женщины, молодыя; а горы... Абреки рыскаютъ въ степи, и я ѣду, ихъ не боюсь, у меня ружье и сила и молодость, а горы“...

На Кавказѣ Левъ Николаевичъ поступилъ въ военную службу и ему пришлось участвовать въ различныхъ предпріятіяхъ противъ горцевъ. Одно изъ такихъ едва не окончилось гибелью для Льва Николаевича. 13 іюня 1853 г. вмѣстѣ съ небольшимъ отрядомъ Толстой отправился въ крѣпость Грозную. Такъ какъ двигаться медленнымъ шагомъ съ пѣхотой и артиллеріей было очень скучно, то очень часто молодые офицеры позволяли себѣ отдѣляться отъ отряда и ѣхать впередъ, чтобы достигъ раньше мѣсто назначенія. При этомъ они подвергались часто нападенію со стороны горцевъ, и такое отдѣленіе было имъ строго воспрещено. Запрещенія эти не помогали, и не только молодежь, но и старики очень часто нарушали приказаніе начальства. Такъ было и съ Толстымъ, когда онъ въ кампаніи нѣсколькихъ другихъ офицеровъ и своего пріятели-татарина Садо, отдѣлившись отъ отряда, поскакалъ въ Грозную.

По дорогѣ на нихъ напали чеченцы. Часть офицеровъ вернулась къ отряду. Льву Николаевичу и Садо это уже было невозможно, и они поскакали въ крѣпость. Человѣкъ 7 чеченцевъ

погнались за ними. У Льва Николаевича была хорошая, рѣзвая лошадь. У татарина Садо былъ иноходецъ, который бѣжалъ сравнительно плохо, но Левъ Николаевичъ, рискуя своею жизнью, не оставлялъ товарища одного. По счастью, имъ удалось доскакать до крѣпости, гдѣ навстрѣчу имъ выбѣжали солдаты, при видѣ которыхъ чеченцы ускакали.

На Кавказѣ же въ эту пору Левъ Николаевичъ впервые пробуетъ свои силы на литературномъ поприщѣ. 2 іюля 1852 г. онъ заканчиваетъ „Дѣтство“ и отправляетъ его въ редакцію „Современника“, подписывая тремя буквами Л. Н. Т. Въ знаменательный день—въ день своего рожденія 28 августа—онъ получаетъ отвѣтъ отъ редактора „Современника“, извѣстнаго поэта Некрасова. „Я прочелъ вашу рукопись—пишетъ Некрасовъ—она имѣетъ настолько интереса, что я ее напечатаю. Я не знаю продолженія, не могу сказать рѣшительно, но мнѣ кажется, что въ авторѣ ея есть талантъ. Во всякомъ случаѣ, направленіе автора, простота и дѣйствительность содержанія составляютъ неотъемлемыя достоинства этого произведенія“. Послѣ того, какъ Некрасовъ прочиталъ рукопись въ печатномъ видѣ, рассказъ понравился ему еще болѣе. Когда же рассказъ появился въ журналѣ, то произвелъ на знатоковъ литературы огромное впечатлѣніе, въ особенности восхищался второй редакторъ „Современника“, Панаевъ. Достоевскій прочелъ этотъ рассказъ много времени спустя въ Сибири и оттуда писалъ одному изъ своихъ знакомыхъ, прося непременно сообщить, кто этотъ таинственный Л. Н. Т. Некрасовъ сразу оцѣнилъ талантъ Толстого и просилъ его прислать еще что нибудь въ родѣ повѣсти, романа или рассказа.

На Льва Николаевича появленіе его произведенія въ печати произвело не совсѣмъ благоприятное впечатлѣніе. Ему впервые пришлось познакомиться съ цензурой. Въ письмѣ къ своему брату Сергѣю въ маѣ 1853 г. онъ между прочимъ сообщаетъ: „Дѣтство“ было испорчено, а „Набѣгъ“ такъ и пропалъ отъ цензуры. Все, что было хорошаго, все выкинуто или изуродовано“. Это, конечно, преувелеченіе, потому что хорошаго осталось очень много, но пишущему эти строки пришлось видѣть черновикъ рукописи „Дѣтства“, непобывавшій въ цензурѣ, и тамъ дѣйствительно имѣется много страницъ, не попавшихъ въ печать. Теперь даже трудно догадаться, по какой причинѣ онъ не попали.

13 января 1854 г Толстой сдалъ офицерскій экзаменъ и поѣхалъ въ кратковременный отпускъ въ Ясную Поляну. Вскорѣ онъ получилъ назначеніе въ Дунайскую армію и 14 марта 1854 г. прибылъ въ Бухарестъ. Начинается крымская кампанія, русскія войска отступаютъ и наконецъ война сосредоточивается главнымъ образомъ у Севастополя.

Резвъянная офицерская жизнь, полная увлеченій и излишествъ, казалось бы мало способствуетъ развитію серьезнаго религіознаго чувства. То юношеское безвѣріе, которое смѣнило въ Толстомъ религіозные порывы дѣтства должно было бы еще болѣе утвердиться въ молодомъ офицерѣ, окруженномъ всевозможными соблазнами. На самомъ же дѣлѣ вышло какъ разъ наоборотъ. Безвѣріе Толстого было исключительно поверхностнымъ безвѣріемъ и интересъ къ религіознымъ вопросамъ сохранялъ для него огромное значеніе.

Попойки, кутежи, карточная игра... все это шло своей чередой, все это было на поверхности, явственно видно всѣмъ. Внутри же, въ глубинѣ души, продолжало свою непрерывную работу религиозное чувство.

Въ самомъ дневникѣ отъ 5 марта 1855 года онъ пишетъ:

„Разговоръ о божествѣ и вѣрѣ навелъ меня на великую, громадную мысль, осуществленію которой я чувствую себя способнымъ посвятить жизнь. Мысль эта—основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающее блаженство на землѣ. Привести эту мысль въ исполненіе, я понимаю, что могутъ только поколѣнія, сознательно работающія къ этой цѣли. Одно поколѣніе будетъ завѣщать эту мысль слѣдующему, и когда-нибудь фанатизмъ или разумъ приведутъ ее въ исполненіе. Дѣйствовать сознательно къ соединенію людей религіей, вотъ основаніе мысли, которая, надѣюсь, увлечетъ меня“.

Вполнѣ понятно, что внѣшнія событія не позволяли молодому офицеру сосредоточиваться на такихъ мысляхъ. Слишкомъ тревожное было время. Толстой назначается на 4-ый бастіонъ. Отчаянная оборона Севастополя всецѣло захватываетъ молодого человѣка. Въ письмѣ своемъ къ брату Сергѣю онъ говоритъ между прочимъ: „Духъ войска выше всякаго описанія, во времена древней Греціи не было столько геройства. Корниловъ, объѣзжая войска, вмѣсто „здорово ребята“ говоритъ: „нужно умирать, ребята, умрете?“ И войска кричали „умремъ ваше превосходитель-

ство". Это былъ не эффектъ, и на лицѣ каждаго видно было, что не шутя, а взаправду, и уже 22 тыс. исполнило это обѣщаніе".

Но это увлеченіе борьбой нисколько не затемняетъ въ Толстомъ чувства правды, онъ остается такимъ же превосходнымъ наблюдателемъ. Несмотря на патриотическій подъемъ чувствъ и воинствующій азартъ, онъ не можетъ не замѣчать превосходства непріятельской организациі. „Надо видѣть плѣнныхъ французовъ и англичанъ — пишетъ онъ — особенно послѣднихъ, это молодецъ къ молодцу, именно морально и физически народъ бравый. Казаки говорятъ, что даже рубить жалко. И рядомъ съ ними надо видѣть нашего какого-нибудь егеря, маленькій, вшивый, сморщенный какой-то“. Но въ этихъ маленькихъ, замухрыщатыхъ людяхъ Толстой все-таки умѣлъ угадывать ярко выраженное духовное начало.

Военные труды не отвлекли все-таки Толстого отъ литературы. Онъ далъ самое яркое описаніе Севастопольской обороны. Между прочимъ въ Севастополѣ предполагалось издавать журналъ, посвященный оборонѣ. Нашелся кружокъ офицеровъ, которые рѣшили выпустить этотъ журналъ. Толстой былъ избранъ однимъ изъ редакторовъ, но для того, чтобы издавать журналъ въ Севастополѣ, пришлось ждать отвѣта и разрѣшенія изъ Петербурга. Изъ Петербурга отвѣтъ пришелъ отрицательный, такъ журналъ и не состоялся,

Въ апрѣлѣ 1855 г. Толстой послалъ въ „Современникъ“ свою статью „Севастополь въ декабрѣ“. Въ іюнѣ онъ послалъ рассказъ „Рубка лѣса“, а въ іюлѣ закончилъ новый рассказъ „Севастополь въ маѣ“ и отослалъ его въ редакцію.

И опять пришлось Толстому имѣть дѣло съ цензурой. Некрасовъ пишетъ ему по поводу разсказа „Севастополь въ маѣ“: „Возмутительное безобразіе, въ которое приведена ваша статья, испортило во мнѣ послѣднюю кровь. До сей поры не могу думать объ этомъ безъ тоски и бѣшенства. Не хочу говорить, какъ высоко я ставлю эту статью, и вообще направленіе вашего таланта и то, чѣмъ онъ вообще силенъ и новъ. Это именно то, что нужно теперь русскому обществу: правда— правда, которой со смертью Гоголя такъ мало осталось въ русской литературѣ. Вы правы, дорожа всего болѣе этой стороной въ вашемъ дарованіи. Эта правда въ томъ видѣ, въ какомъ вносите вы ее въ нашу литературу, есть нѣчто у насъ совершенно новое. Я не знаю писателя теперь, который бы такъ заставлялъ любить себя и такъ горячо себѣ сочувствовать, какъ тотъ, къ которому пишу, и боюсь одного, чтобы время и гадость дѣйствительности, глухота и нѣмота окружающаго не сдѣлали съ вами того, что съ большею частью изъ насъ: не убили въ васъ энергію, безъ которой нѣтъ писателя, по крайней мѣрѣ такого, какіе теперъ нужны Россіи“.

„Статья Толстого о Севастополѣ — пишетъ Тургеневъ 10 іюля 1855 г.—чудо. Я прослезился, читая ее, и кричалъ ура. Мнѣ очень лестно желаніе его посвятить мнѣ свой новый разсказъ. Статья Толстого произвела здѣсь фуроръ всеобщій“.

Писемскій, писатель очень большого дарованія и тонкаго критическаго ума, прочитавъ Севастопольскіе разсказы, замѣтилъ: „этотъ офицеришка всѣхъ насъ заключетъ, хотъ бросай перо“.

21 ноября 1855 г. Толстой возвратился въ

Петербургъ. Онъ сразу появился въ кружкѣ „Современника“ среди лучшихъ русскихъ писателей того времени, какъ равный среди разныхъ. Конечно, въ извѣстной степени они оказывали на него свое вліяніе, какъ напр., Тургеневъ, но въ Толстомъ было слишкомъ много оригинальности и слишкомъ большой былъ запасъ дарованія, чтобы долго находиться подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ. Изъ литературныхъ произведеній, прочитанныхъ Толстымъ въ періодъ отъ 20 до 35 лѣтъ, наиболѣе сильное впечатлѣніе произвели: Гете—„Германъ и Доротея“, Гюго—„Соборъ парижской Богоматери“, Платона—Федонъ и Ниръ и Одиссея и Иліада Гомера. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Толстой со всѣмъ жаромъ молодости окунулся въ вихрь свѣтскихъ равлеченій, а появляясь среди писателей „Современника“, почему то сразу становился въ почти враждебное отношеніе къ нимъ. Особенно рѣзкіе споры у него бывали съ Тургеневымъ. Примиряющая нотка, которая сквозитъ не только въ произведеніяхъ Тургенева, но и въ самомъ его характерѣ, шла совершенно въ разрѣзъ съ рѣзкимъ, прямолинейнымъ характеромъ Толстого. Изъ-за малѣйшихъ пустяковъ поднимались между ними самые ожесточенные споры.

„Я не могу признать — говорилъ Толстой — чтобы высказанное вами было вашими убѣжденіями. Я стою съ кинжаломъ и саблею въ двѣряхъ и говорю: пока я живъ, никто сюда не войдетъ. Вотъ это убѣжденіе. А вы другъ отъ друга стараетесь скрывать сущность вашихъ мыслей и называете это убѣжденіями“. „Зачѣмъ же вы къ намъ ходите? — задыхаясь и голосомъ, переходящимъ въ тонкій фальцетъ, говоритъ Тур-

геновъ.—Здѣсь не ваше знамя, ступайте къ княгинѣ Б.“ „Зачѣмъ мнѣ спрашивать у васъ, куда мнѣ ходить?—возражалъ Толстой—Праздные разговоры ни отъ какихъ моихъ приходовъ не превратятся въ убѣжденія“. Тургенева и Толстого что то тянуло другъ къ другу и въ то же время отталкивало. Я чувствую, что люблю васъ, какъ человѣка — писалъ Тургеневъ Толстому — объ авторѣ и говорить нечего, но многое меня въ васъ коробитъ, и я нашель подъ конецъ удобнѣе держаться отъ васъ подальше. При свиданіи попытаемся опять пойти рука объ руку, авось удастся лучше: а въ отдаленіи сердце мое лежитъ къ вамъ, какъ къ брату и я даже чувствую нѣжность къ вамъ. Однимъ словомъ, я васъ люблю, это несомнѣнно, авось изъ этого выйdetъ все хорошее“. Но отношенія между Тургеневымъ и Толстымъ такъ до конца и не наладились, напротивъ того, они дошли однажды до такихъ рѣзкостей, что дѣло чуть чуть не кончилось дуэлью. Русская литература, лишившаяся изъ-за дуэли Пушкина и Лермонтова, находилась на этотъ разъ въ огромной опасности, она могла разомъ потерять Тургенева и Толстого. Къ счастью, дуэль въ концѣ концовъ не состоялась.

Но ни свѣтскіе успѣхи Толстого, ни его выдающееся положеніе въ литературѣ, не удовлетворяли его. Нельзя сказать, чтобы онъ не увлекался ими. Онъ самъ пишетъ въ своей исповѣди: „Не успѣлъ я оглянуться, какъ сословные писательскіе взгляды на жизнь тѣхъ людей, съ которыми я сошелся усвоились мною и уже совершенно изгладили во мнѣ всѣ мои прежнія попытки сдѣлаться лучше. Взгляды эти подъ распушенность моей жизни подставили теорію, ко-

торая ее оправдывала. Взгляды на жизнь этих людей, моих сотоварищей по писанию, состояли въ томъ, что жизнь вообще идетъ развиваясь и что въ этомъ развитіи главное участіе принимаемъ мы, люди мысли, а изъ людей мысли главное вліяніе имѣемъ мы—художники, поэты. Наше призваніе учить людей. Для того же, чтобы не представился тотъ естественный вопросъ самому себѣ: что я знаю и чему мнѣ учить,—въ теоріи это было выяснено, что этого и не нужно знать, а что художникъ и поэтъ безсознательно учатъ. Я считался чудеснымъ художникомъ и поэтомъ, и поэтому мнѣ очень естественно было усвоить эту теорію. Я—художникъ, поэтъ—писалъ и училъ, самъ не зная чему. Мнѣ за это платили деньги, у меня было прекрасное кушаніе, помѣщеніе, женщины, общество: у меня была слава. Стало быть то, чему я училъ, было очень хорошо. Вѣра эта въ значеніе поэзіи и въ развитіе жизни была вѣра, и я былъ однимъ изъ жрецовъ ея. Быть жрецомъ ея было очень пріятно и выгодно. И я довольно долго жилъ въ этой вѣрѣ, не сомнѣваясь въ ея истинности. Но на второй и въ особенности на третій годъ такой жизни я сталъ сомнѣваться въ непогрѣшимости этой вѣры и сталъ ее изслѣдовать. Первымъ поводомъ къ сомнѣнію было то, что я сталъ замѣчать, что жрецы этой вѣры не всѣ были согласны между собою. Одни говорили: мы—самые хорошіе и полезные учителя, мы учимъ тому, что нужно, а другіе учатъ неправильно. А другіе говорили: нѣтъ, мы настоящіе, а вы учите неправильно. И они спорили, ссорились, бранились, обманывали, плутовали другъ противъ друга. Кромѣ того, было много между нами людей и не заботящихся о

томъ, кто правъ, кто неправъ, а просто достигающихъ своихъ корыстныхъ цѣлей съ помощью этой нашей дѣятельности. Все это заставило меня усомниться въ истинности этой вѣры. Кромѣ того, усомнившись въ истинности самой вѣры писательской, я сталъ внимательнѣе наблюдать жрецовъ ея и убѣдился, что почти всѣ жрецы этой вѣры писатели, были люди безнравственные и въ большинствѣ люди плохіе, ничтожные по характерамъ—много ниже тѣхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ въ моей прежней, разгульной и военной жизни, но самоувѣренные и довольные собой, какъ только могутъ быть довольны люди совсѣмъ святыя или такіе, которые и не знаютъ, что такое святость. Люди эти мнѣ опротивѣли, и самъ себѣ я опротивѣлъ, и я понялъ, что вѣра эта—обманъ. Но странно то, что, хотя всю эту ложь вѣры я понялъ скоро и отрекся отъ нея, но отъ чина, даннаго мнѣ этими людьми, отъ чина художника, поэта, учителя, я не отрекся. Я наивно воображалъ, что я поэтъ, художникъ, и могу учить всѣхъ, самъ не зная, чему я учу. Я такъ и дѣлалъ. Изъ сближенія съ этими людьми я вынесъ новый порокъ—до болѣзненности развившуюся гордость и сумашедшую увѣренность въ томъ, что я призванъ учить людей, самъ не зная чему“.

Въ концѣ января 1857 г. Толстой поѣхалъ за границу. Онъ побывалъ въ Германіи, во Франціи, въ Италіи, въ Англии и съ какой-то жадностью старался напитаться заграничными впечатлѣніями, но внѣшній блескъ не могъ заглушить въ немъ чувства тонкаго наблюдателя и цѣнителя правды. Въ своемъ разсказѣ „Записки кн. Неклюдова“, наряду съ описаніями природы онъ

отмѣчаетъ черствость туристовъ по отношенію къ живымъ людямъ. Въ Парижѣ на него производитъ огромное впечатлѣніе зрѣлище смертной казни. Въ дневникѣ отъ 6 апрѣля 1857 г. онъ записываетъ: „Всталъ въ 7-мъ часу и поѣхалъ смотрѣть на экзекуцію. Толстая, бѣлая, здоровая шея и грудь, цѣловалъ Евангеліе и потомъ— смерть. Что за бессмыслица. Гильотина долго не давала спать и заставляла оглядываться“. А черезъ много лѣтъ въ „Исповѣди“ Толстой пишетъ: „Въ бытность мою въ Парижѣ видѣ смертной казни обличилъ мнѣ шаткость моего суевѣрія прогресса. Когда я увидалъ, какъ голова отдѣлилась отъ тѣла, и то, и другое въ разъ застучало въ ящикѣ, я понялъ—не умомъ, а всѣмъ существомъ,—что никакія теоріи разумности существующаго прогресса не могутъ оправдать этого поступка, и что если бы всѣ люди въ мірѣ, по какимъ бы то ни было теоріямъ, съ сотворенія міра, находили, что это нужно,—я знаю, что это не нужно, что это дурно и что поэтому судья тому, что хорошо и что дурно не то, что говорятъ и дѣлаютъ люди, и не прогрессъ, а я со своимъ сердцемъ“.

Въ октябрѣ 1857 г. Толстой возвратился въ Россію, и опять началась та же свѣтская жизнь. Въ декабрѣ 1853 г. съ Толстымъ произошелъ случай, едва не стоившій ему жизни. 22 декабря Толстой былъ на медвѣжьей охотѣ. На него бросилась медвѣдица. Толстой выстрѣлилъ, но вѣроятно промахнулся. Второй разъ онъ выстрѣлилъ почти въ упоръ, но попалъ медвѣдицѣ въ пасть, и пуля завязла между зубами. Отскочить въ сторону Толстой не могъ, такъ какъ онъ стоялъ въ глубокомъ снѣгу, схватить второе ружье не

успѣлъ, и былъ сбить медвѣдицей, которая съ размаха перескочила черезъ него, но сейчасъ же вернулась и набросилась на лежавшаго охотника. Толстой лежалъ подъ медвѣдицей и старался насколько могъ, втягивать голову въ плечи, увертываясь почти инстинктивно отъ страшныхъ зубовъ. Медвѣдица все таки успѣла разорвать ему щеку подъ лѣвымъ глазомъ и сорвать лѣвую половину кожи со лба. Но въ это время извѣстный вожакъ на медвѣжьихъ охотахъ, Осташковъ, подбѣжалъ съ хворостиной въ рукѣ и, ударивъ медвѣдицу, крикнулъ: „куда ты, куда..“ Медвѣдица бросилась прочь, испуганная неожиданнымъ окрикомъ и убѣжала. Толстой былъ спасенъ.

Въ концѣ 50-хъ годовъ Л. Н. Толстой жилъ то въ Москвѣ, то въ Ясной Полянѣ. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ бросился въ вихрь свѣтскихъ развлеченій, очень заботился о своей наружности, что вызывало даже насмѣшки его знакомыхъ, заботился также о своемъ физическомъ развитіи, съ большой страстью, какъ все, что онъ дѣлалъ, предаваясь гимнастическимъ упражненіямъ. Но наряду съ этимъ не забывались и серьезныя занятія: одинъ за другимъ выходили небольшіе рассказы и кромѣ того онъ занимался въ деревенской школѣ съ ребятами. Уже тогда проявляется въ немъ его своеобразный взглядъ на культуру, о которомъ такъ много говорили впослѣдствіи. „Не намъ нужно учиться — пишетъ онъ Фету — а намъ нужно Марфушекъ и Тарасокъ выучить хоть немного тому, что мы знаемъ“. Въ этомъ краткомъ опредѣленіи чувствуется его взглядъ на односторонность нашей культуры. Интеллигентные слои оторвались отъ народа и въ области культурнаго

развитія ушли скишкомъ далеко; между интеллигенціей и народомъ; въ этомъ отношеніи, образовалось значительное разстояніе, которое увеличивается все больше и больше. Вотъ для того, чтобы умственно и духовно спаять эти два класса, Толстой и призывалъ втеченіе ряда десятилѣтій интеллигенцію остановиться, оглянуться, опомниться и возстановить нарушенную связь съ народомъ. Онъ призывалъ интеллигенцію разобратъся въ цѣнности тѣхъ знаній, изученію которыхъ отдаеть она столько силъ. Онъ указывалъ, что многія изъ этихъ знаній являются непозволительной роскошью, такъ какъ у народа не хватаетъ самыхъ необходимыхъ свѣдѣній. Чуткая совѣсть требовала, чтобы интеллигентные люди дѣлились съ народомъ хоть частью добытыхъ знаній. Обучая деревенскихъ ребятъ, Толстой почувствовалъ, что онъ недостаточно знаетъ самъ, что у него нѣтъ чисто техническихъ, педагогическихъ свѣдѣній. Что преподавать — въ этомъ онъ довольно легко разбирался, но какъ преподавать? Ему казалось, что этому можно научиться за границей и въ 1860 г. онъ отправляется во второе заграничное путешествіе.

Заграницей Левъ Николаевичъ посѣщаетъ школы и университеты, присутствуетъ на лекціяхъ извѣстныхъ ученыхъ, заглядываетъ и на вечерніе курсы собранія ремесленниковъ. Въ Дрезденѣ онъ знакомится съ извѣстнымъ писателемъ Бертольдомъ Ауэрбахомъ, сочиненіями котораго онъ давно увлекался. „Этому писателю — говорилъ Толстой — я былъ обязанъ, что открылъ школу для моихъ крестьянъ и заинтересовался народнымъ образованіемъ“. Осматривая саксонскія народныя школы, Толстой

отмѣчаетъ неудовлетворительность постановки школьныхъ занятій, тѣлесныя наказанія, заучиваніе всего наизусть, запуганность и задерганность дѣтей. Онъ обращаетъ на это особенное вниманіе, такъ какъ у насъ въ Россіи очень многіе преклонялись передъ нѣмецкими системами воспитанія и готовы были слѣпо подражать всѣмъ пріемамъ заграничныхъ учителей.

Въ сентябрѣ этого года скончался на рукахъ у Льва Николаевича его любимый братъ Николай. Смерть его заставила Толстого снова и снова передумать тѣ религіозные вопросы, которые давно его волновали. „Умный, добрый, серьезный человѣкъ, — писалъ онъ о своемъ братѣ — онъ заболѣлъ молодымъ; страдалъ болѣе года и мучительно умеръ, не понимая, зачѣмъ онъ жилъ, и еще менѣе понимая, зачѣмъ онъ умираетъ. Никакія теоріи ничего не могли отвѣтить на эти вопросы ни мнѣ, ни ему во время его медленнаго и мучительнаго умиранія“. Только много лѣтъ спустя онъ отвѣчаетъ на эти вопросы съ чувствомъ удовлетворенія.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти брата Левъ Николаевичъ возобновляетъ свое путешествіе: отправляется въ Италію, посѣщаетъ Флоренцію, Римъ, Неаполь, затѣмъ попадаетъ въ Марсель, который очень интересовалъ его. Онъ еще въ первомъ своемъ путешествіи посѣтилъ этотъ городъ и осмотрѣлъ учебныя заведенія для рабочаго народа. Онъ опять обращаетъ вниманіе на неправильность методовъ преподаванія въ школахъ. И здѣсь какъ и въ нѣмецкихъ школахъ все учатъ наизусть. Выучили какъ обращаться съ цифрами, а въ тоже время ни одинъ мальчикъ не умѣетъ рѣшить самую простую за-

дачу, невошедшую въ его курсъ. „На вопросы изъ исторіи Франціи, отмѣчаетъ онъ — отвѣчали наизусть хорошо, но по разбивкѣ я получилъ отвѣтъ, что Генрихъ IV убитъ Юліемъ Цезаремъ“. „Ежели бы ктонибудь — пишетъ онъ — какимънибудь чудомъ видѣлъ всѣ эти заведенія, не видавъ народа на улицахъ, въ мастерскихъ, въ кафе въ домашней жизни, то какое бы мнѣніе онъ себѣ составилъ о народѣ, воспитываемомъ такимъ образомъ? Онъ вѣрно подумалъ бы, что это народъ невѣжественный, грубый, лицемерный, исполненный предрасудковъ и почти дикій“. Но въ то же время Толстой отмѣчаетъ, что это не только не дикій народъ, но очень развитой, понятливый, умный, общительный, вольнодумный и дѣйствительно цивилизованный. Причины, по мнѣнію Толстого, заключаются въ обилии дешевыхъ періодическихъ изданій въ Марсели, въ музеяхъ, въ библіотекахъ, театрахъ. Человѣческая культура нашла себѣ ходъ помимо официальныхъ учебныхъ заведеній. Эта неофициальная культура оказала несомнѣнно болѣе благотворное дѣйствіе на жителей чѣмъ обычныя школы.

Изъ Марсея Левъ Николаевичъ проѣхалъ въ Парижъ, а изъ Парижа въ Англію, гдѣ прожилъ нѣкоторое время и почти ежедневно видѣлся съ извѣстнымъ русскимъ писателемъ — эмигрантомъ Герценомъ. Герценъ былъ яркимъ и непримиримымъ противникомъ государственнаго строя, существовавшаго тогда въ Россіи. Отъ ужасовъ этого строя Герценъ принужденъ былъ бѣжать за границу и оттуда бороться съ нимъ и обличать неправду его сторонниковъ. Толстой какъ то мало обращалъ вни-

манія въ то время на недостатки этого строя, сосредоточиваясь главнымъ образомъ на тѣхъ задачахъ, которыя могутъ быть выполнены его личными усиліями. Соединяла Толстого и Герцена ихъ горячая любовь къ русскому народу и въра въ тѣ глубокіе источники нравственныхъ и умственныхъ силъ, которые таятся въ душѣ этого народа. За нѣсколько лѣтъ до своего путешествія Левъ Николаевичъ относился къ Герцену довольно отрицательно, но внимательное чтеніе его произведеній, а затѣмъ личное знакомство уничтожили это отношеніе. Подъ конецъ своей жизни Левъ Николаевичъ вспоминалъ, что Герценъ производилъ на него прекрасное впечатлѣніе. Онъ говорилъ, что не можетъ вспомнить тѣхъ долгихъ и разнообразныхъ разговоровъ, которые они вели, но общее впечатлѣніе было превосходное. „Я какъ сейчасъ — говорилъ Левъ Николаевичъ — вижу передъ собой его небольшую, очень подвижную фигуру“. Отъ Герцена Левъ Николаевичъ получилъ письмо къ Прудону, самобытному французскому экономисту, съ которымъ онъ видѣлся въ Брюсселѣ и который произвелъ на Льва Николаевича очень большое впечатлѣніе.

Съ огромнымъ запасомъ знаній Левъ Николаевичъ возвратился на родину въ апрѣлѣ 1861 г. Это было время духовнаго подъема: только что было провозглашено освобожденіе крестьянъ, и друзьямъ народа нужно было напрягать всѣ усилія, чтобы это освобожденіе было проведено хоть сколько нибудь удовлетворительно, несмотря на противодѣйствіе крѣпостниковъ. Въ качествѣ мирового посредника Толстому пришлось очень много бороться съ помѣщиками, которые никакъ не хотѣли свыкнуться съ мыслью о томъ, что у

нихъ уже нѣтъ крѣпостныхъ. Толстого заваливали всевозможными жалобами: то помѣщикъ жаловался на крестьянъ, что они не слушаются, когда они и не должны были слушаться, то крестьяне жаловались на помѣщика, что онъ притѣсняетъ ихъ, то помѣщикъ жаловался на потравы со стороны крестьянъ. Во все приходилось вникать, все разбирать, всѣ и мелкіе и крупныя споры и ссоры. Большою частью Толстому приходилось въ этихъ спорахъ становиться на сторону крестьянъ.

Но дѣятельность мирового посредника была недостаточна для Толстого. Онъ понималъ, какое огромное значеніе имѣеть для народа разумное образованіе, и поэтому значительную часть времени и силъ въ этомъ періодѣ своей жизни онъ посвятилъ педагогической дѣятельности. Онъ сознавалъ, что весь тотъ порядокъ, который существовалъ въ школахъ его времени, никуда не годенъ, что все нужно начинать сначала, что надо поставить школу на совершенно новыхъ основаніяхъ. Онъ считалъ, что въ дѣлѣ образованія никоимъ образомъ не должно быть насилія и въ то время уже проповѣдывалъ совершенно свободную школу. „Всѣ философы — говоритъ Левъ Николаевичъ — начиная отъ Платона и до Канта, стремятся къ одному — освободить школу отъ историческихъ узъ, тяготѣющихъ надъ нею, хотятъ угадать то, что нужно человеку, и на этихъ, болѣе или менѣе вѣрно угаданныхъ потребностяхъ, строятъ свою новую школу. Каждый шагъ философіи и педагогики впередъ состоитъ только въ томъ, чтобы освободить школу отъ мысли обученія молодыхъ поколѣній тому, что старыя поколѣнія считали.

наукой“. Для того, чтобы распространить свои мысли среди учителей, Толстой рѣшилъ издавать педагогическій журналъ „Ясная Поляна“. Къ каждому номеру журнала прилагались книги для чтенія, составленныя или самимъ Толстымъ или подъ его руководствомъ.

Отдаваясь съ обычной страстностью всякому дѣлу, за которое только онъ брался, Толстой слишкомъ заработался и на поприщѣ педагогическихъ занятій, результатомъ чего было серьезное нездоровье. Доктора опасались чахотки и отправили Толстого на кумысь въ Самарскую губ. Во время этой поѣздки Льва Николаевича въ Ясную Поляну совершенно неожиданно нагрянули жандармы, полиція и произвели обыскъ, перевернули вверхъ дномъ весь домъ, въ конюшнѣ сломали и подняли полы, въ прудахъ парка шарили сѣтями, школу точно также обыскали самымъ подробнымъ образомъ, стараясь найти несуществовавшій типографскій станокъ, т. к. кто то донесъ на Льва Николаевича, что онъ въ Ясной Полянѣ печатаетъ тайно прокламаціи. Толстой былъ взбѣшенъ этимъ обыскомъ до послѣдней степени.

Въ 1862 году, 23 сентября, Толстой женился на С. А. Берсъ, дочери извѣстнаго въ то время врача. Передъ тѣмъ, какъ жениться, онъ считалъ себя нравственно обязаннымъ раскрыть передъ своею невѣстой не только всю свою душу, всѣ свои мысли, но и все свое прошлое, чтобы она знала до мельчайшихъ подробностей за кого она выходитъ. Для этого онъ передалъ ей свой дневникъ, въ которомъ онъ описывалъ всѣ свои поступки и проступки съ безпощадной откровенностью. Дневникъ произвелъ огромное и вмѣстѣ

съ тѣмъ очень тяжелое впечатлѣніе на молоденькую дѣвушку, но та правдивость, съ которой Левъ Николаевичъ раскрывалъ всѣ свои отрицательныя стороны, конечно, была самымъ серьезнымъ смягчающимъ обстоятельствомъ отрицательной стороны прошлаго. Въ первое время женитьбы Толстой чувствовалъ будто онъ послѣ многихъ лѣтъ странствованій попалъ въ тихую пристань, гдѣ можно спокойно жить и спокойно работать, но вѣчно сомнѣвающийся, вѣчно ищущій умъ не долго оставлялъ его въ спокойствіи. Онъ очень хвалитъ свою жену, указываетъ на то, что она является серьезнымъ ему помощникомъ, но все таки не можетъ не чувствовать, что она въ то же время является какъ бы нѣкоторымъ тормозомъ въ его жизни. Уже въ „Войнѣ и мирѣ“, въ той части, которая была написана черезъ годъ съ небольшимъ послѣ свадьбы, онъ влагаетъ въ уста князя Андрея такія слова: „Никогда, никогда не женись, мой другъ. Вотъ тебѣ мой совѣтъ: не женись до тѣхъ поръ, пока ты не скажешь себѣ, что ты сдѣлалъ все, что могъ, и до тѣхъ поръ, пока ты не перестанешь любить ту женщину, какую ты выбралъ, пока ты не увидишь ее ясно, а то ты ошибешься жестоко и непоправимо. Женись старикомъ, никуда негоднымъ, а то пропадетъ все, что въ тебѣ есть хорошаго и высокаго. Все истратится по мелочамъ. Да, да, да. Не смотри на меня съ такимъ удивленіемъ. Ежели ты ждешь отъ себя чего нибудь впереди, то на каждомъ шагу ты будешь чувствовать, что для тебя все кончено, все закрыто кромѣ гостинной, гдѣ ты будешь стоять на одной доскѣ съ придворнымъ лакеемъ и идіотомъ. . . .“

Вскорѣ послѣ свадьбы Толстой началъ писать свой знаменитый романъ „Война и миръ“. Одно время онъ думалъ паписать романъ изъ временъ Петра и очень много поработалъ надъ этой эпохой, написалъ уже начало, но потомъ разочаровался въ самомъ героѣ, Петрѣ, а главное рѣшилъ, что время Петра слишкомъ далеко отъ насъ, такъ что намъ трудно вполне опредѣленно и ясно представить себѣ эту эпоху. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній онъ рѣшилъ взять другую эпоху, эпоху декабристовъ, но когда онъ принялся за изученіе русскаго общества 20-хъ годовъ, то онъ почувствовалъ необходимость уяснить себѣ тѣ причины, которыя вызвали декабристское движеніе, обрисовать прошлое, изъ котораго вылилось это движеніе. И вотъ, изучая это прошлое, онъ остановился на періодѣ отечественной войны, и въ концѣ концовъ этотъ періодъ всецѣло захватилъ его. Работа была огромная. Толстымъ прочитана цѣлая библіотека книгъ и документовъ, относящихся къ эпохѣ 1812 года, и онъ по нѣсколько разъ переписывалъ, исправлялъ и снова передѣлывалъ то, что имъ было написано раньше. Когда появилась „Война и миръ“, то она произвела огромное впечатлѣніе въ обществѣ. Мнѣнія высказывались самыя разнообразныя: одни находили, что это только фонъ, на которомъ еще слѣдовало бы нарисовать болѣе рельефными чертами картину, другіе считали, что нарисованы отдѣльныя фигуры, нарисованы очень рѣзкими, опредѣленными, яркими чертами, а самого то историческаго фона, изображенія эпохи и нѣтъ. Одни находили, что романъ подавленъ слишкомъ подробнымъ описаніемъ исторіи, что историкъ въ этомъ романѣ оттѣснилъ художника,

другіе же укоряли писателя въ томъ, что слаба именно историческая часть, но большею частью всѣ эти отзывы и критики исходили отъ лицъ, близко стоящихъ къ литературѣ; широкая же публика приняла романъ съ восторгомъ.

Лѣтомъ 1866 г. произошло событіе, которое произвело на Льва Николаевича очень глубокое впечатлѣніе. Недалеко отъ Ясной Поляны былъ расположенъ пѣхотный полкъ. Въ этомъ полку служилъ писаремъ рядовой Василій Шибунинъ, который какъ то въ пьяномъ видѣ ударилъ офицера. Онъ былъ отданъ военно-полевому суду и ему грозила смертная казнь. Два молодыхъ офицера обратились съ просьбой къ Льву Николаевичу принять на себя защиту несчастнаго солдата. Толстой согласился и выступилъ на судѣ съ большою рѣчью, въ которой всѣми силами старался доказать бессмысленность и недопустимость такой тяжелой кары за случайный, хотя бы и дикій поступокъ пьянаго человѣка. Несмотря на всю силу его доказательствъ рядовой Шибунинъ былъ приговоренъ къ смертной казни. 9 августа Шибунинъ былъ разстрѣлянъ. По совершеніи казни народъ, собравшійся въ большомъ количествѣ съ окрестныхъ деревень, бросился къ свѣжей могилѣ; откуда то появился священникъ и началось почти непрерывное служеніе панихидъ. Къ вечеру на могилу были накинаны восковыя свѣчи, куски холста, мѣдныя деньги. На другой день панихиды продолжались. Изъ дальнихъ деревень стали собираться люди, и опять служились панихиды. Наконецъ пріѣхало начальство, велѣло сравнять могилу казненнаго, поставило карауль, чтобы отгонять любопытныхъ, а служеніе панихидъ было строго воспрещено. У

Толстого этотъ случай оставилъ въ душѣ чрезвычайно тяжелое чувство. Много лѣтъ спустя онъ писалъ по поводу этого дѣла: „Долженъ сказать, что приговоры одними людьми другихъ къ смерти и еще другихъ къ совершенію этого поступка—смертная казнь—всегда не только возмущала меня, но представлялась мнѣ чѣмъ то невозможнымъ, выдуманымъ, однимъ изъ тѣхъ поступковъ, въ совершеніе которыхъ отказываешься вѣрить, несмотря на то, что знаешь, что поступки эти совершались и совершаются людьми. Смертная казнь какъ была, такъ и осталась для меня однимъ изъ тѣхъ людскихъ поступковъ, свѣдѣнія о совершеніи которыхъ въ дѣйствительности не нарушаютъ во мнѣ сознанія невозможности ихъ совершенія.

„Я понимаю, что подъ вліяніемъ минуты раздраженія, злобы, мести, потери сознанія своей человѣчности человѣкъ можетъ убить, защищая близкаго человѣка, даже себя, можетъ, подъ вліяніемъ патріотическаго, стаднаго внушенія, подвергая себя смерти, участвовать въ совокупномъ убійствѣ на войнѣ. Но то, чтобы люди спокойно, въ полномъ обладаніи своихъ человѣческихъ свойствъ, могли обдуманно признавать необходимость убійства такого же, какъ они, человѣка и могли бы заставлятъ совершать это противное человѣческой природѣ дѣло другихъ людей,—этого я никогда не понималъ. Не понималъ и тогда, когда въ 1866 г. жилъ своей ограниченной, эгоистической жизнью, и потому я, какъ это ни было странно, съ надеждой на успѣхъ взялся за это дѣло.

„Да, стыдно мнѣ теперь читать эту жалкую, глупую защиту — писалъ Толстой по поводу

своей рѣчи — Вѣдь если только человѣкъ понимаетъ то, что собираются дѣлать люди, сѣвшіе въ своихъ мундирахъ съ трехъ сторонъ стола, воображая себѣ, что вслѣдствіе того, что они такъ сѣли и что на нихъ мундиры, и что въ разныхъ книгахъ напечатаны и на разныхъ листахъ бумаги съ печатнымъ заголовкомъ написаны извѣстные слова, что вслѣдствіе всего этого они могутъ нарушить вѣчный, общій законъ, записанный не въ книгахъ, а во всѣхъ сердцахъ человѣческихъ, то вѣдь одно, что можно и должно сказать такимъ людямъ, это то, чтобы умолять ихъ вспомнить о томъ, кто они и что они хотятъ дѣлать. Вѣдь доказывать то, что жизнь cadaго человѣка священна, что не можетъ быть права одного человѣка лишить жизни другого, — это знаютъ всѣ люди и этого доказывать нельзя, потому что не нужно. А можно и нужно, и должно только одно: постараться освободить людей—судей отъ того одурѣнія, которое могло привести ихъ къ такому дикому, нечеловѣческому намѣренію. Вѣдь доказывать это—все равно, что доказывать человѣку, что ему не надо дѣлать то, что противно, несвойственно его природѣ: не надо зимою ходить голому, не надо питаться содержимымъ помойной ямы, не надо ходить на четверенькахъ. То, что это несвойственно, противно природѣ человѣческой, давно уже показано людямъ въ рассказѣ о женщинѣ, подлежащей побіенію камнями“.

Когда осенью 1869 г. Толстой окончилъ „Войну и миръ“, онъ опять возобновилъ свои педагогическія занятія. Онъ положилъ много труда на составленіе простой и понятной азбуки для народа и книгъ для чтенія. Въ декабрѣ 1870 г.,

занимаясь со своимъ старшимъ сыномъ, Толстой принимается за изученіе греческаго языка, набрасывается на это изученіе со своей обычной страстностью и въ 3 мѣсяца выучиваетъ его настолько, что можетъ свободно читать Ксенофонта безъ словаря. Переутомленіе отъ этихъ занятій опять заставляеть его ѣхать въ Самару. Во время посѣщенія Самарской губ. въ 1873 г. Толстой обратилъ вниманіе на безпомощное положеніе населенія губерніи, охваченной неурожаемъ. Толстой собралъ самыя точныя свѣдѣнія о положеніи населенія и изложилъ эти свѣдѣнія въ письмѣ въ „Московскія Вѣдомости“. Спокойнымъ, дѣловитымъ тономъ онъ говоритъ о томъ, какъ крестьяне принуждены ѣсть хлѣбъ съ лебедой и съ мякиной, какъ отъ голода будутъ страдать старики, женщины и дѣти, какъ они будутъ умирать не прямо отъ голода, а отъ болѣзней, причиной которыхъ будетъ дурная, недостаточная пища. Это спокойное, дѣловитое письмо произвело на общество потрясающее впечатлѣніе.

„Значеніе этой корреспонденціи — писалъ Пругавинъ — и впечатлѣніе, произведенное ею на общество, было огромно. До корреспонденціи Л. Н. Толстого, никому и ничего внѣ Самарской губ. не было извѣстно, что въ ней происходитъ. Даже есть основаніе предполагать и больше: что и въ самой то Самарской губ. ничего не знали или не хотѣли знать, что въ ней дѣлается и что ожидаетъ ея населеніе. Корреспонденція гр. Толстого была громомъ, заставившимъ всѣхъ перекреститься“. Но Левъ Николаевичъ не ограничился этимъ письмомъ, онъ написалъ частное письмо своей родственницѣ, Александрѣ Андреевнѣ Толстой, которая была близка къ двору, и про-

силъ ее заинтересовать этимъ дѣломъ императрицу, Общій результатъ вмѣшательства Толстого, выраженный въ деньгахъ, равняется приблизительно 2 милл. руб. Толстой принималъ и личное участіе въ судьбѣ голодающихъ: живя среди нихъ, онъ обходилъ наиболѣе нуждающіеся дворы, входилъ въ ихъ интересы и помогалъ бѣднякамъ, снабжая ихъ хлѣбомъ и деньгами. Воспоминаніе объ этой дѣятельности знаменитаго писателя, по словамъ его біографа Бирюкова, до сихъ поръ еще сохраняется среди крестьянскаго населенія тѣхъ мѣстностей, гдѣ жилъ Л. Н. Толстой.

19 марта 1873 г. Толстой началъ писать новое большое произведеніе „Анна Каренина“, которое вмѣстѣ съ „Войной и миромъ“ составило ему всемирную славу великаго писателя. „Анна Каренина“ писалась втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. За эти годы съ Толстымъ произошелъ цѣлый рядъ событій, которыя произвели на него сильное впечатлѣніе. Эти событія были рядомъ смертей въ его семействѣ: умерли два маленькихъ сына и дочка, умерла тетка П. И. Юшкова и, что въ особенности сильно огорчило Толстого, умерла тетка Т. А. Ергольская, которая воспитывала Толстыхъ и съ которой Левъ Николаевичъ до конца сохранялъ самыя нѣжныя отношенія. Въ этотъ же періодъ времени произошелъ случай, который сильно взволновалъ Льва Николаевича. Во время его поѣздки въ Самарскую губернію въ Ясной Полянѣ быкъ забодалъ на смерть одного изъ работниковъ. Ретивый слѣдователь, разслѣдовавшій это дѣло, не нашелъ ничего лучшаго, какъ привлечь къ отвѣтственности Льва Николаевича, и когда послѣдній возвратился изъ Самарской губ., слѣдователь взялъ съ него

подписку о невыѣздѣ. Какъ человекъ вспыльчивый, горячій, Левъ Николаевичъ былъ возмущенъ этой подпиской о невыѣздѣ до такой степени, что хотѣтъ продать все имѣніе и переселиться изъ Россіи въ Англію, гдѣ личность человека болѣе ограждена отъ произвола всякаго чиновника, но въ концѣ концовъ дѣло уладилось.

Лѣтомъ 1877 г. Толстой вмѣстѣ со своимъ знакомымъ, философомъ Н. Н. Страховымъ, совершилъ первое путешествіе въ Оптину пустынь, но свиданіе со старцемъ Амвросіемъ не удовлетворило Толстого. У него вышло со старцемъ пререканіе по поводу одного евангельскаго текста, а Страхова, узнавъ, что это—писатель—философъ, Амвросій убѣждалъ въ неосновательности матеріализма, что совсѣмъ было не нужно, т. к. Страховъ матеріалистомъ не былъ.

Въ томъ же году въ Ясной Полянѣ побывалъ извѣстный рассказчикъ былинь, архангельскій крестьянинъ Щеголенковъ. Левъ Николаевичъ очень увлекался его рассказами и записалъ съ его словъ нѣсколько былинь и легендъ, которыя подъ его рукой потомъ превратились въ знаменитый рассказъ „Чѣмъ люди живы“ и рассказъ о трехъ старцахъ, спасавшихся на островѣ. За этотъ періодъ у Толстого отмѣчено нѣсколько произведеній всемірной литературы, которыя произвели на него большое впечатлѣніе. Изъ этихъ произведеній надо отмѣтить: Одиссея и Иліада по гречески—очень большое впечатлѣніе. Также очень большое впечатлѣніе произвели русскія былины и Анабазисъ Ксенофонта. Огромное впечатлѣніе произвели „Отверженные“ Виктора Гюго.

По окончаніи „Анны Карениной“ Толстой опять вернулся къ мысли о произведеніи изъ эпохи

декабристовъ; онъ опять перечиталъ массу книгъ и документовъ, рисующихъ эту эпоху, получилъ разрѣшеніе на осмотръ Петропавловской крѣпости, но всѣхъ свѣдѣній о декабристахъ Льву Николаевичу не удалось добыть, такъ какъ къ нѣкоторымъ секретнымъ дѣламъ въ государственныхъ архивахъ его все таки не допустили. Но, просматривая различные документы, относящіеся къ эпохѣ декабристовъ, а также къ позднѣйшей эпохѣ, Толстой остановился нѣкоторое время на личности Перовскаго. Его очень заинтересовала эта крупная фигура. Однако изъ этой работы ничего оконченнаго не вышло; не вышло, быть можетъ, потому, что къ этому времени относится начало той напряженной душевной работы, которая въ концѣ концовъ привела къ извѣстному перевороту въ міровоззрѣніи Толстого. Къ этому же времени относится и примиреніе Толстого съ Тургеневымъ, и это примиреніе опять таки до нѣкоторой степени является результатомъ этой же душевной работы. Толстой написалъ Тургеневу въ Парижъ и просилъ забыть все враждебное, что было въ ихъ отношеніяхъ, и помнить только хорошее. „Простите меня, если въ чемъ я былъ виновенъ передъ вами“,—писалъ Толстой Тургеневу. Тургеневъ отвѣтилъ ему тоже весьма сердечнымъ письмомъ, а черезъ нѣкоторое время посѣтилъ его въ Ясной Полянѣ. „Мнѣ было очень весело снова сойтись съ Толстымъ — писалъ потомъ Тургеневъ — и я у него провелъ три пріятныхъ дня. Его имя начинаетъ приобрѣтать европейскую извѣстность. Намъ, русскимъ, давно извѣстно, что у него соперника нѣтъ“.

Мысли объ основныхъ вопросахъ жизни все болѣе и болѣе охватывали Толстого, жизнь ка-

залась ему все менѣе и менѣе понятной, а жить безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ становилось все труднѣе и труднѣе. Еще въ одномъ изъ писемъ жены Льва Николаевича—графини С. А. Толстой въ 1876 г. къ ея сестрѣ находятся такія строки: „Левочка постоянно говоритъ, что все кончено для него, скоро умирать, ничего не радуется, нечего больше ждать отъ жизни“. 13 ноября 1876 г. Толстой пишетъ Страхову: „Сплю духовно и не могу проснуться. Нездоровится, уныніе, отчаяніе въ своихъ силахъ. Что мнѣ суждено судьбой—не знаю, но доживать жизнь безъ уваженія къ ней—а уваженіе къ ней дается только извѣстнаго рода трудомъ—мучительно. Думать даже—и къ тому нѣтъ энергіи. Или совсѣмъ худо или сонъ передъ хорошимъ періодомъ работы“. Черезъ годъ онъ пишетъ Фету: „Вы въ первый разъ говорите мнѣ о Божествѣ—Богѣ. А я давно уже не перестаю думать объ этой главной задачѣ. И не говорите, что намъ нельзя думать: не только можно, но должно. Во всѣ вѣка лучшіе, т. е. настоящіе, люди думали объ этомъ. И если мы не можемъ также, какъ они, думать объ этомъ, то мы обязаны найти какъ.“

Наконецъ Толстой почувствовалъ себя въ положеніи того путника, который, по словамъ старинной легенды, спасаясь отъ звѣря въ пустынѣ, упалъ въ колодець, на днѣ котораго онъ увидѣлъ дракона, который только и ждалъ его паденія. Боясь этого дракона, путникъ цѣпляется за кустъ, растущій въ расщелинѣ колодца и держится на немъ, а за колодцемъ его ждетъ звѣрь, отъ котораго онъ спасался. Двѣ мыши, черная и бѣлая, подтачивали корни куста, такъ что онъ

рано или поздно долженъ былъ упасть на дно. И несмотря на это отчаянное положеніе путникъ все же находилъ возможнымъ слизывать съ листьевъ капли меда, которыя на нихъ оказались. „Такъ и я держусь за вѣтви жизни — писалъ Толстой—зная, что неминуемо ждетъ драконъ смерти, готовый растерзать меня, и я не могу понять, зачѣмъ я попалъ на это мученіе. И я пытаюсь сосать тотъ медъ, который прежде утѣшалъ меня, но этотъ медъ уже не радуетъ меня, а бѣлая и черная мыши, день и ночь, подтачиваютъ вѣтку, за которую я держусь“. Толстой чувствовалъ, что конецъ близокъ, и у него нѣсколько разъ являлась мысль, что нелѣпо ждать конца, который придетъ все таки неизвѣстно когда, а что нужно смѣло пойти ему навстрѣчу и окончить свою жизнь самоубійствомъ. Ему казалось, что по отношенію къ основнымъ вопросамъ жизни людей можно раздѣлить на четыре разряда: одни просто не понимаютъ этихъ вопросовъ и не интересуются ими, другіе—видятъ, но стараются наслажденіями отогнать тревожныя мысли, третьи—находятъ въ самоубійствѣ разрѣшеніе тревожныхъ вопросовъ, а четвертые, къ которымъ, какъ думалъ Левъ Николаевичъ, принадлежалъ и онъ самъ, видѣли весь непонятный ужасъ жизни и, не имѣя силъ покончить съ собой, продолжали тянуть лямку жизни. И нѣсколько разъ въ это время Толстой былъ очень близокъ къ самоубійству. Въ сущности у него не было недостатка въ рѣшимости, но какая то сила удерживала его, ему казалось, что есть еще какая то надежда найти исходъ изъ этого отчаяннаго положенія. И вотъ, въ ту минуту, когда казалось, что нѣтъ уже никакой надежды, Толстой обратилъ внима-

ніе на то, что милліоны простыхъ людей живутъ въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ живетъ онъ, и тѣмъ не менѣе находятъ смыслъ въ этой жизни и есть у нихъ что то, что ихъ поддерживаетъ.

„И я оглянулся — говоритъ Толстой въ „Исповѣди“ — на огромныя массы отжившихъ и живущихъ простыхъ, неученыхъ и небогатыхъ людей и увидалъ совершенно другое. Я увидалъ, что всѣ эти милліарды жившихъ и живущихъ людей, всѣ, за рѣдкими исключеніями, не подходятъ къ моему дѣленію, что признать ихъ непонимающими вопроса я не могу, потому что они сами ставятъ его и съ необыкновенною ясностью отвѣчаютъ на него. Признать ихъ эпикурейцами тоже не могу, потому что жизнь ихъ слагается больше изъ лишеній и страданій, чѣмъ наслажденій. Признать же ихъ неразумно доживающими бессмысленную жизнь могу еще меньше такъ какъ всякій актъ ихъ жизни и самая смерть объясняются ими. Убивать же себя они считаютъ величайшимъ зломъ. Оказывалось, что у всего человѣчества есть какое то непризнаваемое и презираемое мною знаніе смысла жизни. Выходило то, что знаніе разумное не даетъ смысла жизни, исключаетъ жизнь: смыслъ же, придаваемый жизни милліардами людей, всѣмъ человѣчествомъ, зиждется на какомъ то презрѣнномъ ложномъ знаніи“. И Толстому захотѣлось ближе познакомиться съ вѣрою этихъ милліоновъ простыхъ людей.

„Я полюбилъ этихъ людей — говоритъ онъ. — Чѣмъ больше я вникалъ въ ихъ жизнь, живыхъ людей, и въ жизнь умершихъ людей, про которыхъ я читалъ и слышалъ, тѣмъ больше я лю-

билъ ихъ и тѣмъ легче мнѣ самому становилось жить. Я жилъ такъ года два, и со мной случился переворотъ, который давно готовился во мнѣ, и задатки котораго всегда были во мнѣ. Со мной случилось то, что жизнь нашего круга—богатыхъ, ученыхъ—не только опротивѣла мнѣ, но потеряла всякій смыслъ. Всѣ наши дѣйствія, разсужденія, науки, искусства, — все это представало мнѣ въ новомъ значеніи. Я понялъ, что все это—одно баловство, что искать смысла въ этомъ нельзя. Жизнь же всего трудящагося народа, всего человѣчества, творящаго жизнь, представилась мнѣ въ ея настоящемъ значеніи. Я понялъ, что это — сама жизнь и что смыслъ, придаваемый этой жизни, есть истина, и я принялъ его. Я отрекся отъ жизни нашего круга, признавъ, что это не есть жизнь, а только подобіе жизни, что условія избытка, въ которыхъ мы живемъ, лишаютъ насъ возможности понимать жизнь, и что для того, чтобы понять жизнь, я долженъ понять жизнь не исключеній, не насъ, паразитовъ жизни, а жизнь простого трудового народа,—того, который дѣлаетъ жизнь, и тотъ смыслъ, который онъ придаетъ ей. Простой трудовой народъ вокругъ меня былъ русскій народъ, и я обратился къ нему и къ тому смыслу, который онъ придаетъ жизни. Смыслъ этотъ, если можно такъ выразиться, былъ слѣдующій: всякій человѣкъ произошелъ на этотъ свѣтъ по волѣ Бога. И Богъ такъ сотворилъ человѣка, что всякій человѣкъ можетъ погубить свою душу или спасти ее. Задача человѣка въ жизни—спасти свою душу. Чтобы спасти свою душу, нужно жить по-Божьи, а чтобы жить по-Божьи, нужно отречься отъ всѣхъ утѣхъ жизни, трудиться, смиряться, терпѣть и быть милостивымъ“.

Но въ этой вѣрѣ простого народа, или вѣрнѣе не столько въ вѣрѣ простого народа, сколько въ той вѣрѣ, которую ему преподавали его учителя, были пункты, съ которыми Толстой никакъ не могъ согласиться. Это были — отрицательное отношеніе къ людямъ другихъ вѣрѣ и отношенія къ казнямъ и войнамъ, противъ которыхъ наставники вѣры не только не поднимали своего голоса, но даже одобряли ихъ. Для того, чтобы принять эти пункты или отвергнуть ихъ, Толстому пришлось произвести огромную работу: ему необходимо было тщательно изслѣдовать книги Священнаго Писанія и богословскія сочиненія, сравнить переводы съ подлинниками, изслѣдовать точность переводовъ. Греческаго языка тутъ было надостаточно; необходимо было изучить древне-еврейскій языкъ.

Посреди этихъ работъ вниманіе Толстого привлекло одно событіе огромной важности, которое произвело колоссальное впечатлѣніе на всю Россію. Это было событіе 1 марта 1881 года, убійство императора Александра II. Толстой отнесся къ этому убійству, конечно, отрицательно, какъ ко всякому другому убійству, но онъ дѣлалъ большое различіе между убійствомъ, когда убійца подвергается самъ болѣе или менѣе смертельной опасности, и казнь, которая производится совершенно хладнокровно, людьми ничѣмъ не рискующими. Кромѣ того, Толстой взглянулъ на событіе 1 марта и на его послѣдствія съ совершенно своеобразной точки зрѣнія. Онъ взглянулъ на событіе съ точки зрѣнія истиннаго христіанина и рѣшилъ, что передъ Александромъ III лежитъ огромная задача, удачное выполненіе которой принесло бы не только всей Россіи, но,

быть можетъ, всему міру, огромное благо. Ему казалось, что если бы царь простилъ убійцамъ своего предшественника, если бы сынъ простилъ убійцамъ своего отца, то это былъ бы такой высокій примѣръ христіанскаго милосердія, который оказалъ бы колоссально благотворное вліяніе на цѣлый рядъ поколѣній. И вотъ онъ рѣшается, послѣ долгихъ колебаній, написать письмо Александру III. Мы приводимъ нѣкоторые отрывки этого письма, которое помѣщено цѣликомъ въ подробной біографіи Бирюкова. Толстой сравниваетъ русское государство съ больнымъ человѣкомъ. „Больного лѣчили и сильными средствами, и переставали давать сильныя средства, а давали ходъ его отправленіямъ: ни та, ни другая система не помогли, больной становился все больнѣе. Представляется еще средство — средство, о которомъ ничего не знаютъ врачи, средство странное. Отчего же не испытать его? Одно первое преимущество средство это имѣетъ неотъемлемое передъ другими средствами—это то, что тѣ употреблялись бесполезно, а это еще никогда не употреблялось. Пробовали во имя государственной необходимости блага массъ стѣснять, ссылатъ, казнить, пробовали во имя той же необходимости блага массъ, давать свободу — все было тоже. Отчего не попробовать во имя Бога исполнять только законъ Его, не думая ни о государствѣ, ни о благѣ массъ? Во имя Бога и исполненія закона Его не можетъ быть зла“.

„Положеніе Ваше и Россіи, писалъ Толстой императору Александру III, теперь — какъ положеніе больного во время кризиса. Одинъ ложный шагъ, пріемъ средства ненужнаго, вреднаго, можетъ навсегда погубить больного. Точно также

теперь одно дѣйствіе въ томъ, или другомъ смыслѣ — возмездія за зло жестокими казнями или вызова представителей — можетъ связать все будущее. Теперь въ эти двѣ недѣли суда надъ преступниками и приговора, будетъ сдѣланъ шагъ, который выберетъ одну изъ трехъ дорогъ предстоящаго распутья: путь подавленія зла зломъ или путь либеральнаго послабленія — оба испытанные и ни къ чему не приводящіе пути, и еще новый путь—христіанскаго исполненія воли Божіей царемъ, какъ человѣкомъ. Государь, по какимъ то роковымъ страшнымъ недоразумѣніямъ въ душѣ революціонеровъ запала ненависть противъ отца Вашего, — ненависть, приведшая ихъ къ страшному убійству. Ненависть эта можетъ быть похоронена съ нимъ. Революціонеры могли, хотя несправедливо, осуждать его за гибель десятковъ своихъ. На рукахъ Вашихъ нѣтъ крови, Вы—невинная жертва своего положенія. Вы чисты и невинны передъ собою и передъ Богомъ, но Вы стоите на распутьи. Нѣсколько дней, и если восторжествуютъ тѣ, которые говорятъ и думаютъ, что христіанскія истины только для разговоровъ. а въ государственной жизни должна проливаться кровь и царствовать смерть, Вы навѣки выйдете изъ того блаженнаго состоянія чистоты и жизни съ Богомъ и вступите на путь тьмы государственныхъ потребностей, оправдывающихъ все даже нарушеніе закона Бога для человѣка. Простите, воздайте добромъ за зло, и изъ сотенъ злодѣевъ десятки перейдутъ отъ дьявола къ Богу и у тысячъ, у милліоновъ дрогнетъ сердце отъ радости и умиленія при видѣ примѣра добра съ престола въ такую страшную для сына убитаго отца

минуту. Государь, если бы Вы сдѣлали это, позвали бы этихъ людей, дали бы имъ денегъ и услали бы ихъ куда нибудь въ Америку и написали бы манифестъ съ словами наверху: „А я говорю: любите враговъ своихъ“, не знаю, какъ другіе, но я, плохой вѣрноподданный, былъ бы собакой, рабомъ Вашимъ. Я бы плакалъ отъ умиленія, какъ я теперь плачу всякій разъ, когда бы я слышалъ Ваше имя. Да что я говорю не знаю, какъ другіе, знаю, какимъ бы потокомъ разлились бы по Россіи добро и любовь отъ этихъ словъ.“ Письмо это дошло до императора и какъ есть основаніе думать произвело на него сильное впечатлѣніе, но вліяніе печальной памяти Побѣдоносцева пересилило вліяніе письма. Царевубійцы были казнены и еще небывалый въ исторіи опытъ противодѣйствія убійству прощеніемъ не былъ осуществленъ.

Въ 1882 году въ Москвѣ происходила перепись населенія. Толстой участвовалъ въ этой переписи и рѣшилъ воспользоваться ею, чтобы обратить вниманіе богатыхъ классовъ на безвыходное положеніе городской бѣдности. Онъ предлагалъ придти къ ней на помощь и устроить такъ, чтобы совершенно уничтожить въ Москвѣ нищество. Но общество отнеслось къ этому предложенію несочувственно, скорѣе равнодушно. Съ Толстымъ соглашались; если и дѣлались возраженія, то возраженія очень незначительныя, касающіяся болѣе второстепенной стороны вопроса, но отъ словъ къ дѣлу не переходили. Въ это время Толстой познакомился съ крестьяниномъ Сютеевымъ, своеобразнымъ, вдумчивымъ человѣкомъ. Зная его христіанскую жизнь, Толстой ожидалъ отъ него сочувствія, но и Сютеевъ отнесся къ

мысли Льва Николаевича отрицательно. Онъ заявилъ, что помогать деньгами, помогать механически нельзя, а что нищенство можетъ быть уничтожено только тогда, если каждый изъ помогающихъ рѣшитъ принять нищаго къ себѣ въ семью“. „Ты возьмешь — говорилъ Сютяевъ — да я возьму. Мы и работать пойдемъ вмѣстѣ: онъ будетъ видѣть, какъ я работаю, будетъ учиться какъ жить, и за чашку вмѣстѣ за однимъ столомъ сядемъ, и слово онъ отъ меня услышитъ и отъ тебя. Вотъ' это милостыня“. Толстой понималъ несостоятельность своихъ плановъ и раздавъ тѣ деньги, которыя у него были, возвратился въ Ясную Поляну.

Но основные вопросы все таки не были разрѣшены. Толстой продолжалъ работать надъ изученіемъ Священнаго Писанія и богословскихъ сочиненій. Въ еврейскомъ языкѣ онъ быстро сдѣлалъ такіе успѣхи, что нерѣдко ученому раввину, который занимался съ Львомъ Николаевичемъ, приходилось спорить со своимъ ученикомъ о томъ или иномъ толкованіи текстовъ и соглашаться съ мнѣніемъ ученика. Въ 1883 году Страховъ писалъ о Толстомъ: „Л. Н. Толстой (можетъ быть вы слышали) выучился за эту зиму по-еврейски, и это уже помогаетъ ему въ пониманіи Писанія, главномъ его занятіи. Иныя изъ его открытій въ этомъ дѣлѣ и поразительны своею вѣрностью и приводятъ къ важнымъ и глубокимъ результатамъ“.

Извѣстіе о томъ что Толстой занимается изслѣдованіемъ богословскихъ сочиненій очень огорчило многихъ изъ его почитателей, тѣхъ изъ нихъ, которые видѣли въ Толстомъ только художника. Они смотрѣли на эти занятія какъ

на измѣну литературѣ, а измѣна литературѣ самого крупнаго писателя, конечно, могла считаться явленіемъ крайне печальнымъ. Тургеневъ на смертномъ одрѣ свое послѣднее письмо написалъ Толстому, умоляя его вернуться къ литературѣ и въ первый разъ называя его великимъ писателемъ земли русской, т. е. давая ему то названіе, которое потомъ неразрывно связалось съ именемъ Толстого. Не мало было такихъ людей, которые возмущались интересомъ Толстого къ христіанству, его проповѣдью опрощенія и смотрѣли на это, какъ на какое то ханжество и лицемѣріе и упрекали его въ томъ, что онъ только объ этомъ говоритъ, а самъ не живетъ сообразно своимъ словамъ, что было для Толстого тяжелѣе всего. Онъ самъ чувствовалъ справедливость такихъ обвиненій, онъ живѣе и больнѣе всѣхъ чувствовалъ свои недостатки. „Говорятъ мнѣ — пишетъ онъ — если вы находите, что внѣ исполненія христіанскаго ученія нѣтъ разумной жизни, а вы любите эту разумную жизнь, отчего вы не исполняете заповѣдей? Я отвѣчаю, что виноватъ и гадокъ и достоинъ презрѣнія за то, что я не исполняю. Но при томъ не столько въ оправданіе, сколько въ объясненіе непослѣдовательности своей говорю: посмотрите на мою жизнь, прежнюю и теперешнюю, и вы увидите, что я пытаюсь исполнять. Я не исполнилъ и одной десятитысячной, это правда, и я виноватъ въ этомъ, но я не исполнилъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что не умѣлъ. Научите меня, какъ выпутаться изъ сѣти соблазновъ, охватившихъ меня, помогите мнѣ, и я исполню, но и безъ помощи я хочу и надѣюсь исполнить. Обвиняйте меня, я самъ это

дѣлаю, но обвиняйте меня, а не тотъ путь, по которому я иду и который указываю тѣмъ, кто спрашиваетъ меня, гдѣ, по моему мнѣнію, дорога. Если я знаю дорогу домой и иду по ней пьяный, шатаюсь изъ стороны въ сторону, то неужели отъ этого не вѣренъ путь, по которому я иду? Если невѣренъ, покажите мнѣ другой, если я сбиваюсь и шатаюсь, помогите мнѣ, поддержите меня на настоящемъ пути, какъ я готовъ поддержать васъ, а не сбивайте меня, не радуйтесь тому, что я сбился, не кричите съ восторгомъ: вотъ онъ говоритъ, что идетъ домой, а самъ лезетъ въ болото. Да не радуйтесь же этому, а помогите мнѣ, поддержите меня.

„Вѣдь вы не черти изъ болота, а тоже люди, идущіе домой. Вѣдь я одинъ и вѣдь я не могу желать итти въ болото. Помогите мнѣ: у меня сердце разрывается отъ отчаянія, что мы всѣ заблудились, и когда я бьюсь всѣми силами, вы, при каждомъ отклоненіи, вмѣсто того, чтобы пожалѣть себя и меня, суете меня и съ восторгомъ кричите: смотрите, съ нами вмѣстѣ въ болотѣ“.

Въ этомъ отрывкѣ сквозить весь ужасъ той душевной боли которую пришлось переживать въ то время Толстому. Это крикъ о помощи, брошенный обществу, крикъ, звучавшій почти безъ отвѣта. Тяжелая работа Толстого все таки мало по малу приходила къ концу. Онъ пробивался сквозь вѣковыя наслоенія всевозможныхъ суевѣрій и начиналъ все яснѣе и яснѣе видѣть истину. Эта работа, эти исканія истины выразились въ книгѣ „Въ чемъ моя вѣра“, которая появилась въ началѣ 1884 года. Всевластный тогда Побѣдоносцевъ запретилъ эту книгу, но интересъ, который проявился къ ней среди обще-

ства, спасъ ее. Все изданіе было вытребовано въ Петербургъ и роздано по рукамъ различныхъ сановниковъ. Потомъ оно стало распространяться въ многочисленныхъ коніяхъ, литографіяхъ и гектографахъ. Потомъ оно было издано за границей на русскомъ языкѣ и переведено на многіе европейскіе языки. Въ этомъ сочиненіи Толстой вкратцѣ рассказываетъ о томъ, какъ онъ пришелъ къ своей вѣрѣ и въ чемъ она заключается. „Я вѣрю въ ученіе Христа — пишетъ Толстой въ послѣдней главѣ своей книги — и вотъ въ чемъ моя вѣра: Я вѣрю, что благо мое возможно на землѣ только тогда, когда всѣ люди будутъ исполнять ученіе Христа.

„Я вѣрю, что исполненіе этого ученія возможно легко и радостно.

„Я вѣрю, что и до сихъ поръ, пока ученіе это не исполняется, что если бы я былъ одинъ среди всѣхъ неисполняющихъ, мнѣ все таки ничего другого нельзя дѣлать для спасенія своей жизни отъ неизбежной гибели, какъ исполнять это ученіе, какъ ничего другого нельзя дѣлать тому, кто въ горящемъ домѣ нашелъ дверь спасенія.

„Я вѣрю, что жизнь моя по ученію міра была мучительна и что только жизнь по ученію Христа дастъ мнѣ въ этомъ мірѣ то благо, которое предназначилъ мнѣ Отецъ жизни.

„Я вѣрю, что ученіе это даетъ благо всему человѣчеству, спасаетъ меня отъ неизбежной гибели и даетъ мнѣ наибольшее благо. А потому я не могу не исполнять его. Мало ли, много ли теперь такихъ людей, но это та церковь, которую ничто не можетъ одолѣть, и та, къ которой присоединятся всѣ люди“.

„Не бойся, малое стадо, ибо Отець вашъ благоволилъ дать вамъ царство“.

Все болѣе и болѣе увлекаемый идеями чистаго христіанства, Толстой стремится устроить и свою внѣшнюю жизнь въ согласіи съ этими идеями. Онъ приходитъ къ такъ называемому „опрощенію“. Самая простая одежда, самая простая и умѣренная пища, какъ можно меньше тратить на себя. Его влечетъ къ себѣ простота жизни рабочихъ людей. Онъ хотѣлъ бы слиться всецѣло съ народомъ, зажить съ нимъ одной жизнью и такимъ образомъ приносить пользу своимъ ближнимъ. Жизнь простого народа протекаетъ среди тяжелаго ручного труда, грубой работы. И вотъ Толстой пашетъ землю, шьетъ сапоги, кладетъ печи и т. п.

Его упрекали за это цѣнители его художественныхъ произведеній, говоря, что вмѣсто того, чтобы помогать людямъ такимъ образомъ, гораздо проще—дать имъ денегъ, на которыя они могутъ произвести всѣ эти работы. Но Толстой не соглашался. Онъ чувствовалъ, что деньги связаны съ тѣми неправильно сложившимися отношеніями между людьми, которыя находятся въ рѣзкомъ противорѣчій съ основами христіанства. Надъ Толстымъ смѣялись, но онъ оставался вѣренъ своимъ стремленіямъ и по прежнему страстно, упорно и настойчиво искалъ новыхъ путей. Слѣдуетъ отмѣтить между прочимъ, что онъ сдѣлался вегетарьянцемъ т. е. отказался отъ употребленія въ пищу мяса животныхъ. Это вполне понятно. Человѣку, стремящемуся построить свою жизнь на основахъ любви и правды, должно быть неприятно причинять зло не только людямъ, но и животнымъ.

Вегетарьянство Толстого также вызывало насмѣшки. Ему старались доказать, ссылаясь на авторитеты науки, что питаться мясомъ необходимо для человѣка, для его здоровья, что всѣ животныя такъ или иначе поѣдаютъ другъ друга, что это законъ жизни, который не можетъ быть нарушенъ и т. д. Толстой указывалъ, что питается мясомъ лишь ничтожная кучка людей принадлежащая къ богатымъ классамъ, что растительная пища не только не вредна для здоровья, но наоборотъ полезнѣе мясной, а главное—человѣкъ въ своей жизни долженъ руководствоваться прежде всего не гигиеническими соображеніями, заботами о здоровьи, а основными нравственными положеніями. А съ точки зрѣнія нравственности питаніе мясомъ не выдерживаетъ критики.

Работая столько лѣтъ надъ выясненіемъ христіанскаго ученія, Толстой естественно хотѣлъ подѣлиться съ народомъ результатами своей работы. Онъ хотѣлъ приблизить евангеліе къ народу, хотѣлъ сдѣлать его понятнымъ и старался излагать евангельскія истины не только наиболѣе близко къ подлиннику, но и наиболѣе понятнымъ языкомъ. Нѣкоторыя мѣста евангелія по мнѣнію Толстого нуждались въ толкованіи. Мы не можемъ здѣсь излагать въ нѣсколькихъ словахъ всю колоссальную работу, произведенную Толстымъ, мы приведемъ только его изложеніе и толкованіе его любимой молитвы—Молитвы Господней.

Молитва Господня.

Вѣрую и исповѣдую, что и всѣ люди живы только духомъ и разумѣніемъ Божьимъ, что всѣмъ намъ Богъ отецъ и потому мы всѣ братья.

Обращаясь, возносясь мысленно къ Тебѣ, Богъ мой, я говорю: Отче нашъ.

Вѣрую, что Ты отецъ нашъ безконеченъ, безпредѣленъ и непостижимъ: выразить же это понятіе необъятнаго я не могу иначе, какъ безпредѣльностью видимаго неба, а потому и говорю: иже еси на небесе.

Познать Тебя я не могу. Вижу только проявленіе Твоего всемогущества въ разумъ и жизни, жизнью и разумомъ называю и Тебя.

Вѣрю въ святость, святость исключительную этихъ началъ изъ Тебя исходящихъ и говорю: да святится имя Твое.

Вѣрую, что жизнь и разумъ даны Тобою людямъ для установленія на землѣ Царства Божья, царства правды, добра и любви и свободы. Молю: да придетъ царствіе Твое.

Вѣрю, что Твоя святая воля въ томъ, чтобы было на землѣ Твое Божье царство. Достигнетъ его человечество только исполненіемъ Твоей воли. Стремленіе къ нему я выражаю: да будетъ воля Твоя.

Вѣрю, что воля Твоя, управляющая всѣми мірами, устроившая непостижимую умомъ моимъ

вселенную, что эта самая Твоя воля должна лечь въ основу жизни людей, яко на небесе и на земли.

Вѣрую, что ученіе Сына Божья Іисуса есть та единственная насущная пища духовная, тотъ хлѣбъ, сшедшій съ небесъ, который духовно питаетъ людей. Ученіе Спасителя раскрыло людямъ волю Бога, указало единственный путь къ спасенію и потому молю: хлѣбъ нашъ засушный даждь намъ. Понимаю, что духовная пища: исполненіе воли Бога нужно людямъ не когда нибудь, а сегодня, днесъ, сейчасъ, въ настоящую минуту. Знаю, что каждый мигъ моей жизни долженъ быть стремленіемъ къ Царству Божьему: хвала Тебѣ, Богу моему.

Понимаю, что только дѣлами жизни могу служить Твоей волѣ; знаю, что дѣлу Царства Небеснаго могу служить лишь примѣняя къ жизни Твоей вѣчный законъ любви, законъ сліянія жизни моей съ жизнью другихъ людей. Знаю, что какъ устроятъ люди свою жизнь, по Твоимъ законамъ или по правиламъ начала зла, такъ устроится и ихъ настоящая жизнь будущаго человечества. Въ любви и всепрощеніи основа Царства Божія и потому: оставь намъ долги наши яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Я убѣжденъ, что жизнь по заповѣдямъ Сына Божья Іисуса и только ею могу избавиться отъ соблазновъ плоти и не введи насъ во искушеніе: знаю, что подъемомъ духа могу плоть свою изъ требовательнаго властелина сдѣлать орудіемъ исполненія Твоихъ Божественныхъ предначертаній.

Вѣрую, что духъ бодръ, а плоть немощна и

духъ долженъ властвовать надъ плотью, а не наоборотъ, но избави насъ отъ лукаваго.

Вѣрую, Господи, въ побѣду духа надъ плотью, добра надъ зломъ. въ пришествіе Твоего Царства на землѣ и въ конечное торжество добра любви, свободы, яко Твое есть царство и сила и слава

Аминь.

Но и „опрощеніе“ и работы по изслѣдованію евангельскихъ текстовъ и позднѣйшихъ наслоеній, исказившихъ христіанское ученіе, все это не могло удовлетворить мятежную душу великаго писателя. Передъ нимъ стояло великое изреченіе Христа: „продай имѣніе твое и раздай нищимъ и будешь имѣть сокровище на небесахъ и приходи и слѣдуй за Мною“. Эта мысль не даетъ ему покоя и онъ всячески обдумываетъ, какъ осуществить ее.

Осуществить эту мысль оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ предполагалъ Толстой. У него была семья. Жена, выросшая въ извѣстныхъ условіяхъ, съ прочно сложившимися взглядами, предъявлявшая къ жизни такія требованія, которыя трудно было согласовать съ требованіями христіанскаго ученія. Были дѣти воспитанные въ обстановкѣ жизни богатыхъ помѣщиковъ. Толстой чувствовалъ себя не вправѣ лишить семью той обстановки, въ которой она была, тѣмъ болѣе, что семья не раздѣляла его воззрѣній. Раздача имущества была бы принята семьей какъ грабежъ, какъ насильственное раззореніе и никакими доводами ей нельзя было бы доказать противнаго.

Можно было взглянуть на себя какъ на чело-

вѣка отрѣшившагося отъ прежней жизни, оставившаго все, что было связано съ нею, можно было считать себя какъ бы умершимъ. Толстой такъ и сдѣлалъ. Онъ передалъ все имущество семьѣ, а самъ хотѣлъ уйти. Но его удержали. Его уходъ былъ бы для семьи слишкомъ тяжелымъ ударомъ. Мы сейчасъ не можемъ говорить подробно о той борьбѣ, которая возникла вслѣдствіе желанія Толстого уйти изъ дома. Это будетъ разъяснено когда нибудь впослѣдствіи. Для насъ важно только то, что онъ остался. Но остался не потому, что перемѣнилъ свое намѣреніе, не потому, что не имѣлъ силъ уйти, а только потому что явилась мысль, что если существуетъ сомнѣніе, если открываются два пути передъ человѣкомъ, то слѣдуетъ выбирать тотъ путь, который труднѣе, тотъ путь, который для себя лично является менѣе желательнымъ... И Толстой остался.

Въ концѣ 1883 года Толстой познакомился съ Чертковымъ. Чертковъ самостоятельно пришелъ къ нѣкоторымъ изъ тѣхъ выводовъ, которые выработалъ Толстой. Благодаря этому, они встрѣтились, какъ старые знакомые и между ними завязалась тѣсная дружба, которая продолжалась до самой смерти Толстого.

Однимъ изъ первыхъ практическихъ результатовъ этого знакомства было изданіе дешевыхъ книгъ для народнаго чтенія.

„Дайте хоть что-нибудь изъ вашего духовнаго имущества голодному и жаждущему духовной пищи народу“—говорилъ Толстой и какъ образчикъ этой духовной пищи появились изданія „Посредника“. Первыми книжками, выпущенными этой фирмой были: „Чѣмъ люди живы“,

„Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ“ и „Кавказскій плѣнникъ“ Толстого и „Христось въ гостяхъ у мужика“—Лѣскова. Эти первыя изданія „Посредника“, съ девизомъ: „Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“, разошлись въ количествѣ нѣсколькихъ мильононъ экземпляровъ; за ними послѣдовали другія. По примѣру, а иногда и по предложенію Толстого и другіе писатели пришли на помощь новому издательству и вскорѣ на народномъ книжномъ рынкѣ появились произведенія Короленко, Немировича-Данченко, Гарщина, Засодимскаго, Эртеля и многихъ другихъ.

Самъ Толстой принималъ вначалѣ самое дѣятельное участіе въ „Посредникѣ“. Потомъ, когда дѣло слишкомъ разрослось, онъ уже не могъ принимать въ немъ прежняго участія, но до послѣднихъ дней сохранилъ съ нимъ близкія отношенія и живо интересовался его дѣятельностью.

Въ 80-хъ годахъ относительно Толстого у весьма многихъ образованныхъ людей установился взглядъ, что великій писатель, удалившись отъ литературы, удалился и отъ жизни и занятъ главнымъ образомъ личнымъ самоусовершенствованіемъ для спасенія души. Взглядъ этотъ былъ совершенно ошибочный, такъ какъ Толстой никогда литературы не оставлялъ, а самоусовершенствованіе могъ представлять себѣ не иначе какъ черезъ посредство любовнаго служенія людямъ, а не въ видѣ удаленія въ уединенную келью. Въ 1891—92 годахъ Толстому пришлось показать на дѣлѣ свою чуткость по отношенію къ явленіямъ современной жизни, свою отзывчивость на чужія страданія. Страшный неурожай охватилъ въ это время значительную часть Россіи и Толстой немедленно бросился на помощь

къ голодавшему народу. Онъ кликнулъ кличъ и на его призывъ отозвались чуткія сердца какъ въ Россіи, такъ и заграницей. Былъ открытъ цѣлый рядъ столовыхъ, организована удешевленная продажа хлѣба и ужасныя бѣдствія голода были смягчены и ослаблены.

Но и отдавая массу силъ на борьбу съ народной бѣдой, Толстой не забывалъ литературу. Онъ писалъ въ это время свое замѣчательное произведеніе: „Царство Божіе внутри васъ“, которое въ то время не могло появиться въ Россіи, но распространилось въ разныхъ странахъ заграницей и было переведено на всѣ наиболѣе извѣстные языки. Это сочиненіе особенно важно для пониманія мировоззрѣнія Толстого, потому что значительная часть его посвящена выясненію одной изъ главнѣйшихъ основъ ученія Толстого, а именно непротивленію злу насиліемъ. Мы не можемъ здѣсь разбирать или подробно излагать всѣ основы толстовскаго жизнепониманія и потому лишь кратко укажемъ, что и до сихъ поръ существуетъ много образованныхъ людей, которые считаютъ, что Толстой призывалъ людей непротривиться злу, совѣтовалъ имъ безропотно подчиняться всякому насилію. Ничего подобнаго Толстой никогда не совѣтывалъ, ни къ чему такому не призывалъ. Напротивъ, онъ постоянно напоминалъ людямъ о необходимости неустанной борьбы со зломъ, онъ призывалъ къ противленію злу. Онъ только проповѣдовалъ, что при этой борьбѣ, при этомъ постоянномъ противленіи нельзя прибѣгать къ насилію, потому что насиліе не побѣждаетъ зло, а только рождаетъ новое зло. Толстой говорилъ, что всѣ недостатки современнаго уклада жизни, всѣ эти безконеч-

ныя вооруженія громадныхъ армій, вызывающія тяжкія налоги, всѣ тюрмы, казни, войны, все это тяжкое бремя современнаго человѣчества создалось именно во имя уничтоженія зла при помощи насилія однихъ людей надъ другими. А такъ какъ насиліемъ нельзя уничтожить зла, то зло и остается на землѣ несмотря на всѣ мѣры борьбы съ нимъ въ которыхъ изощраются люди признающіе необходимость насилія ради блага людей.

Противъ этой теории Толстого можно приводить тѣ или иныя возраженія, но не слѣдуетъ искажать ее и приписывать Толстому то, чего онъ никогда не говорилъ. Онъ призывалъ не противиться злу насиліемъ, но противленіе злу мирными средствами онъ признавалъ обязанностью каждаго разумнаго и добраго человѣка.

Какъ бы для того, чтобы лучше выяснить теорію непротивленія злу насиліемъ, на Кавказѣ разыгралась знаменитая духоборческая исторія. Отрицавшіе противленіе злу насиліемъ кавказскіе сектанты духоборы отказались отъ исполненія воинской повинности и торжественно сожгли все бывшее у нихъ оружіе. Исторія эта надѣлала въ то время много шума. Духоборы претерпѣли за свои противогосударственныя убѣжденія много преслѣдованій, Чертковъ, Бирюковъ и Трегубовъ открыто выступившіе на защиту гонимыхъ подверглись изгнанію или ссылкѣ, но въ концѣ концовъ духоборамъ всетаки разрѣшили уѣхать за границу и тутъ имъ пришелъ на помощь Толстой, отдавшій всю плату за написанный имъ романъ „Воскресенье“ въ пользу этихъ сектантовъ. Его помощь вызвала подражаніе. Въ разныхъ странахъ стали собирать деньги, особенно много

хлопоталъ переселившійся въ Англію Чертковъ. Были собраны весьма значительныя суммы и дуборы, въ количествѣ около 8,000 человекъ, переселились въ Сѣверную Америку.

Отношеніе Толстого къ православной вѣрѣ и тѣ выводы, къ которымъ онъ пришелъ послѣ многолѣтнихъ богословскихъ изысканій давно возбуждали неудовольствіе со стороны высшихъ представителей православія. Наконецъ, подѣ влияніемъ Побѣдоносцева, было рѣшено отлучить Толстого отъ православной церкви и отлученіе состоялось 20 февраля 1901 года. Но результатъ отлученія былъ нѣсколько неожиданный. вмѣсто отчужденія отъ Толстого русское общество выразило ему въ самыхъ различныхъ формахъ свое сочувствіе, а въ Синодъ поступило довольно много заявленій отъ разныхъ лицъ, которыя просили, чтобы и ихъ отлучили также, какъ отлучили Толстого, потому что они раздѣляютъ его убѣжденія.

Въ іюлѣ 1901 года Толстого постигла тяжкая болѣзнь. Врачи одно время даже опасались за его жизнь. Но крѣпкій организмъ выдержалъ и, оправившись послѣ болѣзни, Толстой, по совѣту врачей поѣхалъ въ Крымъ чтобы окончательно возстановить свои силы.

Онъ поселился на южномъ берегу между Ариадной и Алупкой, въ имѣніи гр. Паниной въ Гаспрѣ. Это—чудный уголокъ. Левъ Николаевичъ наслаждался прекрасной южной природой, ласковымъ прибоемъ Чернаго моря, но въ этой Гаспрѣ ждала его еще болѣе тяжкая болѣзнь, которая чуть не отняла совсѣмъ отъ насъ великаго писателя. Былъ такой періодъ, когда врачи почти отчаялись, силы больного слабѣли съ каж-

дымъ днемъ, онъ не могъ повернуться, не могъ поднять руки, лежалъ, какъ трупъ безъ движенія, очень часто терялъ сознание, и только нитевидный пульсъ и едва замѣтное дыханіе говорили о жизни, которая ежеминутно могла порваться. Въ это время изъ Петербурга отъ одного высокопоставленнаго духовнаго лица пришла телеграмма съ увѣщаніемъ покаяться. За покаяніе обѣщалась награда: православная церковь обѣщала, что она, какъ любящая мать, все забудетъ, все проститъ, и трупъ Толстого будетъ похороненъ по православному обряду. Приблизительно такого же содержанія было получено письмо изъ Москвы отъ одного изъ лицъ, близко стоявшихъ къ синоду. Въ этомъ письмѣ точно также убѣждали Льва Николаевича покаяться и также была обѣщана награда, что онъ будетъ погребенъ по православному обряду.

Но Левъ Николаевичъ не могъ прочесть ни письма, ни телеграммы, онъ лежалъ безъ сознания, и близкія люди не знали, живъ ли онъ или уже умеръ. Такъ прошло два дня, два мучительныхъ дня, и вдругъ, неизвѣстно почему, неизвѣстно откуда, явился новый притокъ силъ,—больной сталъ говорить, сталъ узнавать окружающихъ и мало-по-малу сталъ чувствовать себя все лучше и лучше. Когда онъ настолько оправился, что можно было сообщить ему содержаніе телеграммы и письма, ему прочли ихъ. Онъ еще не могъ владѣть перомъ и потому подозвалъ своего старшаго сына Сергѣя и сказалъ:

— Сережа, напиши этимъ господамъ, чтобы они оставили меня въ покоѣ; напиши имъ, что для меня и передъ лицомъ смерти дважды два все-таки четыре.

Въ 1905 году Россія, какъ извѣстно пережила весьма тревожное время. Страсти разгорѣлись, накопившаяся за долгіе годы злоба проявлялась въ рядѣ революціонныхъ вспышекъ. По своимъ убѣжденіямъ Толстой не могъ сочувствовать насильственной революціи и въ цѣломъ рядѣ статей и писемъ онъ указывалъ необходимость внутренней реформы, духовнаго возрожденія и просвѣтленія, безъ которыхъ невозможны никакія улучшенія общественной жизни.

Когда революціонныя волненія были подавлены и наступило время преслѣдованій и казней Толстой не могъ оставаться безучастнымъ зрителемъ совершавшихся ужасовъ и выпустилъ свою знаменитую статью: „Не могу молчать“.

28 Августа 1908 года Толстому исполнилось 80 лѣтъ. Всѣ взоры мыслящихъ людей всего міра были обращены къ нему въ этотъ день. Со всѣхъ концовъ земли приходили поздравленія. Тутъ были привѣтствія отъ различныхъ знаменитыхъ писателей, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей; привѣтствія отъ различныхъ обществъ, учрежденій, городовъ и т. д. и т. п. Мы приведемъ нѣсколько привѣтствій неизвѣстныхъ заурядныхъ людей, потому что такія простыя, безъискусственныя привѣтствія лучше выражаютъ настроеніе общества.

„Не молчи, Богомъ вдохновляемый старецъ, и живи многія лѣта. Крестьянинъ“.

Коротко й сильно.

Женщина не можетъ удовольствоваться открыткой. Ея мысль требуетъ болѣе изящной, мягкой, но и болѣе пространной формы.

„Привѣтъ въ самый дорогой день для вашей матери, которой уже нѣтъ... Но есть ваша ро-

дина, для нея этотъ день также дорогъ... Я одна 150-милліонная часть этой родины, одна изъ русскихъ женщинъ, которая живетъ вмѣстѣ съ вами, а значитъ и горячо любить васъ. Я тоже не могу молчать въ этотъ день“.

Необыкновенной прелестью непосредственнаго чувства дышетъ письмо, полученное изъ Костромы:

„Милый дѣдушка, Левъ Николаевичъ! Не сердись на насъ за то, что наше письмо, быть можетъ, отниметъ у тебя столько время, на его прочтеніе. Мы все скажемъ очень коротко. Мы хотимъ сказать тебѣ, что мы очень, очень любимъ тебя за твое великое ученіе, за твое правдивое смѣлое слово, за неумолкающій призывъ къ добру, къ истинѣ. Мы только это хотимъ сказать тебѣ, потому что намъ это очень хочется сказать... Въ день твоего юбилея пожелать тебѣ много, много хорошихъ въ будущемъ дней! Тебѣ шлють свой искренній, горячій привѣтъ юноша и дѣвушка, прими его“.

Раненый подъ Лаояномъ офицеръ, пролежавшій нѣсколько часовъ на полѣ сраженія, вспоминаетъ какъ вѣрно изображено душевное состояніе Андрея Болконскаго на полѣ Аустерлица.

Бывшій въ Портъ-Артурѣ врачъ говоритъ о возмутительныхъ явленіяхъ войны.

Католическій ксендзъ привѣтствуетъ Богоискателя. Два православныхъ священника шлють свои пожеланія „брату и искателю истины“. Бывшій семинаристъ благодаритъ „главнымъ образомъ за установленіе новаго жилища на евангельскія истины, приближаясь къ которымъ, все человѣчество приближается и къ всеобщему счастью“.

„Никакія силы—пишетъ крестьянинъ витеб-

ской губерніи,—не могутъ очернить и вырвать у народа то великое чувство, которое воплотилось въ немъ. Каждое твое слово народу извѣстно, хотя бы это было напечатано за границей. Чутокъ сталъ народъ и любить тебя за правду, за заступничество.

Крестьянинъ орловской губерніи шлетъ привѣтствіе, написанное на кускѣ березовой коры: „Другу природы, на природѣ“.

Одинъ изъ привѣтствующихъ сообщаетъ, что не хотѣлъ беспокоить своимъ письмомъ, но опредѣленіе синода заставило его говорить. „Быть можетъ, — заканчиваетъ авторъ письма, — вашъ примѣръ подѣйствуетъ и заставитъ насъ малодушныхъ быть смѣлыми и говорить, и дѣлать... И тогда исчезнетъ тотъ ужасъ жизни, въ которомъ живемъ сейчасъ“.

Одинъ старикъ изъ Тюмени приноситъ Л. Н. горячую признательность за освобожденіе его „святыми словами любви отъ оковъ злобной мести“.

Чрезвычайно любопытно письмо одной простой женщины, которое мы приводимъ въ его неприкосновенности:

„Считаю долгомъ себѣ въ день вашего юбилея принести благодарность за вашъ трудъ и любовь къ народу. Золота я не имѣю, а если и найдется лепта для сооруженія вашего памятника какъ писали мыслители, то я увѣрена, что не хватитъ на всемъ земномъ шарѣ капитала купить тѣ живые камни, что вы вызвали для своего памятника. Ибо эти камни—есть живыя слова, которые останутся въ сердцахъ людей. Слава ваша не умретъ во вѣки вѣковъ. Съ почтеніемъ остаюся

вась уважаемая христіанка, а по званію крестьянка“.

Особенно много привѣтствій прислано учителями и учительницами.

Группа московскихъ учителей и учительницъ, принося благодарность за многое полезное, почерпнутое изъ произведеній Л. Н-ча—прибавляетъ:

„За ваши же послѣднія произведенія, особенно за вашъ горячій протестъ противъ смертной казни, наше почтительное благоговѣніе передъ гениемъ сердецѣдцемъ Россіи. Все болѣе и болѣе убѣждаемся мы, что каждое ваше послѣднее произведеніе есть самое высокое, самое цѣнное и поразительно прекрасное въ духѣ истины и любви къ человѣку.

„Мы маленькіе, незначительные люди. Мы молчимъ передъ звѣрствами, намъ не выразить того бремени, того ужаса передъ совершающимся, что заставляетъ насъ страдать, но тѣмъ большій откликъ въ сердцахъ нашихъ находитъ ваше мужественное, яркое и талантливое слово обличенія злыхъ и въ злобѣ неистовыхъ.

„...Дай же вамъ Богъ силы и здоровья за то, что вы написали, не боясь гоненій. Вѣдь только вы одинъ во всей Россіи могли сказать свое могучее слово и такъ сказать, какъ это сказано“.

Группа земскихъ учителей г-скаго уѣзда пишетъ: „Произведенія вани стали новымъ евангелиемъ, а примѣрная жизнь ваша будетъ служить подражаніемъ грядущимъ поколѣніямъ. Пройдутъ вѣка, вась уже давно не будетъ, а этотъ день никогда не забудется въ сердцахъ новыхъ и новыхъ поколѣній“.

Числомъ полученныхъ привѣтствій нельзя конечно, вполнѣ опредѣлить стремленіе почитателей

Л. Н-ча выразить свои чувства. Многие не рѣшались беспокоить, особенно принимая во вниманіе болѣзнь великаго старика, многихъ останавливало опасеніе, что они не сумѣютъ выразить свои чувства какъ слѣдуетъ, а многие даже боялись, что о ихъ привѣтахъ могутъ узнать, и это нанесетъ серьезный ущербъ въ ихъ матеріальной жизни.

Такъ, одно чрезвычайно сердечное письмо оканчивается горькой припиской: „Простите дорогой Левъ Николаевичъ, что не пишу своей фамиліи, такъ какъ я есть семейный человѣкъ и боюсь преслѣдованія“.

Какая характерная критика, достойная увѣковѣченія на страницахъ исторіи. Въ ХХ вѣкѣ за привѣтствіе геніальнѣйшему человѣку, составлявшему гордость человѣчества, надо было бояться преслѣдованія. Обыватель „конституціонной“ Россіи ХХ вѣка боялся преслѣдованія за мысли, выраженные въ частномъ закрытомъ письмѣ.

Много стихотвореній. Было даже стихотвореніе какого-то полицейскаго и снабженные портретомъ стихи слѣпой дѣвочки. Была телеграмма, посланная за послѣдніе гроши пролетаріями, и телеграмма великаго князя Николая Михайловича.

Невольно навертывается вопросъ: какъ же Толстой отнесся къ этимъ привѣтствіямъ, къ этому потоку любви, такъ неожиданно хлынувшему со всего міра въ Ясную Поляну?.

Вотъ его подлинныя слова сказанныя имъ пишущему эти строки.

„Въ огромномъ большинствѣ писемъ и телеграммъ,—замѣтилъ Толстой—говорится въ сущности одно и то же. Мнѣ выражаютъ сочувствіе за то, что я содѣйствовалъ уничтоженію ложнаго

религіознаго пониманія и далъ нѣчто, что людямъ въ нравственномъ смыслѣ на пользу, и мнѣ это одно радостно во всемъ этомъ: именно то, что установилось въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе. Насколько оно искренно,— это другое дѣло, но когда установится общественное мнѣніе, большинство прямо пристаеъ къ тому, что говорятъ всѣ. И это мнѣ, долженъ сказать, въ высшей степени пріятно. Разумѣется, самыя радостныя письма—народныя, рабочія“.

Сначала Толстой читаль получаемаыя привѣтственныя письма, но потомъ ихъ оказалась такая масса, что, во избѣжаніе чрезмѣрнаго утомленія, можно было, прочитывать только особенно интересныя, но тутъ оказалась другого рода опасность: интересныя письма слишкомъ волновали. Я могу сказать по собственному опыту, что мнѣ трудно было удерживаться отъ слезъ при чтеніи нѣкоторыхъ писемъ.

Послѣдней крупной работой Л. Н. Толстого было составленіе „Круга Чтенія“ — сборника изреченій на каждый день, выбранныхъ изъ сочиненій различныхъ выдающихся писателей всѣхъ временъ и народовъ. Этотъ сборникъ является какъ бы нравственной энциклопедіей, сокровищницей высшей мудрости, до которой достигло человѣчество въ своемъ пути отъ мрака къ свѣту. Эта книга является результатомъ нѣсколькихъ лѣтъ сосредоточенной работы великаго писателя русской земли.

28 октября 1910 года телеграфъ разнесъ во всѣ концы міра вѣсть, заставившую встрепенуться все человѣчество, погруженное въ повседневныя будничныя заботы. Сообщалось, что великій старикъ, на 83 году жизни, оставилъ семью, оста-

вилъ привычную обстановку и ушелъ неизвѣстно куда, оставивъ прощальныя письма съ просьбой не искать его.

Мы знаемъ, что онъ давно собирался уйти; мы знаемъ, что ему было слишкомъ тяжело жить въ довольствѣ помѣщичьей обстановки, когда кругомъ жила крестьянская бѣднота, когда ежедневно мимо Ясной Поляны проходили голодные, оборванные люди.

Къ этой тяжести присоединилось и непониманіе окружающихъ его семейныхъ, отношенія съ которыми въ послѣднее время становились все острѣе и острѣе. Пока была надежда кротостью и любовью побѣдить зло онъ оставался. Ему гораздо легче было удалиться, но онъ избиралъ труднѣйшій путь и оставался. Когда онъ увидалъ, что нѣтъ надежды на поворотъ къ лучшему въ сердцахъ физически близкихъ ему людей, что напротивъ всякая уступка только вызываетъ новыя требованія, тогда онъ ушелъ.

Онъ ушелъ и вдохнулъ свободно. Сердце радостно билось, голова была полна еще не осуществленными планами художественныхъ работъ. Начиналась новая прекрасная страница жизни...

Но злой недугъ уже старожиль великаго старика. Простудившись въ дорогѣ, онъ получилъ воспаленіе легкихъ и долженъ былъ остановиться на не большой станціи Астапово, ставшей съ этихъ поръ знаменитой. Къ этой станціи въ теченіе нѣсколькихъ дней было приковано вниманіе всего міра. Можно безъ преувеличенія сказать, что все человѣчество стояло у телеграфа и съ замираніемъ взволнованнаго сердца, перепол-

неннаго скорбью и надеждой ожидало, вѣстей изъ Астапова.

7-го ноября пришла вѣсть, что Льва Великаго не стало.

Безсмертный духъ покинулъ свою тлѣнную оболочку и эта тлѣнная оболочка, это бѣдное истерзанное долгими страданіями тѣло было предано землѣ близъ Ясной Поляны, на краю оврага стараго Заказа въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Толстой когда-то въ дѣтствѣ игралъ съ братьями и гдѣ, какъ увѣрялъ братъ Николенька, была зарыта волшебная зеленая палочка, съ помощью которой можно было осчастливить всѣхъ людей.

Зеленой палочки не существовало. Зеленая палочка—выдумка. Но та горячая любовь къ людямъ, та вѣра въ благородство человѣка, которая одушевляла Толстого—существовала, существуетъ и будетъ существовать. Она озарила величавый образъ Толстого неугасающимъ свѣтомъ и онъ сдѣлался не только для нынѣшняго, но и для грядущихъ поколѣній на многіе вѣка воплощеніемъ міровой совѣсти.
